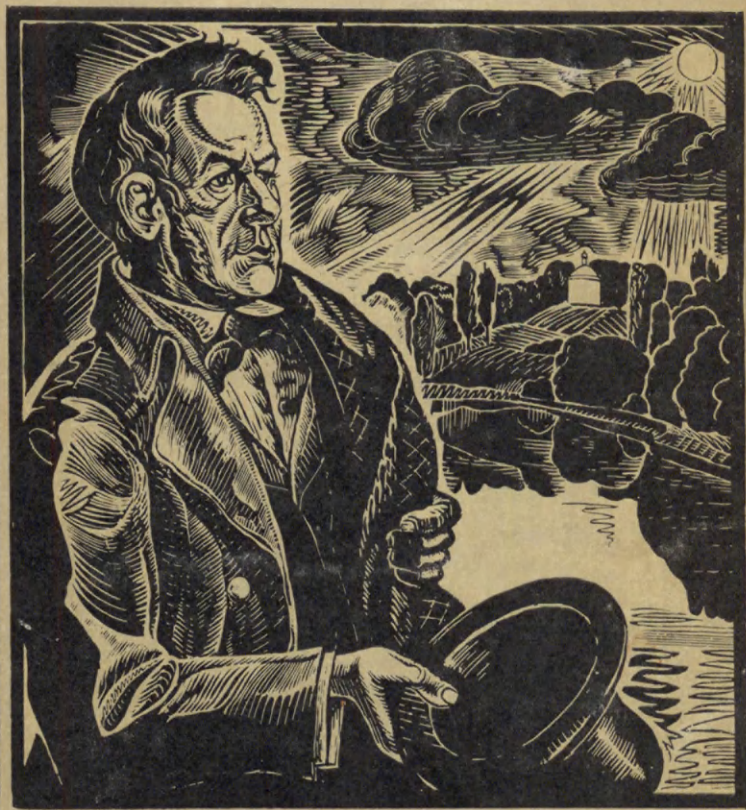

И Я ОТКРОЮ
ЗЕМЛЮ...

**О тех, кто первым ступил на неизведанные земли,
О мужественных людях — революционерах,
Кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше.
О тех, кто проторил пути в науке и искусстве,
Кто с детства был настойчивым в стремленьях
И беззаветно к цели шел своей.**

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1976**

ГЛИНКА

КОМПОЗИЦИЯ

Автор композиции Н. Колосова

И Я ОТКРОЮ ЗЕМЛЮ...

78C1
И11

И $\frac{70803-143}{078(02)-76}$ 090—76

© Издательство «Молодая гвардия», 1976 г.

...Глинка имеет в русской музыке такое же значение, как Пушкин в русской поэзии. Оба — великие таланты, оба — родоначальники нового русского художественного творчества, оба — глубоко национальные и черпавшие свои великие силы прямо из коренных элементов своего народа, оба создали новый русский язык — один в поэзии, другой в музыке.

В. Стасов

Не только музыка Глинки сама по себе, но также и его оркестровка остается до наших дней совершеннейшим памятником музыкального искусства, и причиной этому — его умение достичь равновесия в звучании, изысканность и тонкость его инструментовки: я имею в виду выбор инструментов и их сочетание. Мне поистине повезло, что первое соприкосновение с серьезной музыкой было соприкосновением с таким шедевром. Вот почему я сохраняю к Глинке безграничную благодарность...

И. Стравинский

«И Я ОТКРОЮ ЗЕМЛЮ...»

Зима. Кони весело позванивают колокольцами. Проплывают мимо заснеженные поля, холмы, перелески, мелькают за сугробами избы. А то вдруг набегут на дорогу деревья, пушистые в зимнем своем уборе...

Теперь все мирно, спокойно кругом. А ведь помнится, помнится еще та, другая дорога, когда всей семьей, на десяти экипажах, уезжали они из родного Новоспасского. И было страшно и больно... Взрослые говорили, что враг совсем близко. Все знали, что Наполеон идет на Смоленск... Это было давно — в августе 1812 года. Ему исполнилось тогда только восемь лет.

А теперь совсем другое. Радостно, весело на душе. В просторном, надежном возке удобно, уютно. Отец позаботился, чтобы путешественникам в дороге было тепло: велел обить стенки изнутри мехом. И вовсе не страшно ехать в чужой, незнакомый Петербург — рядом все свои: горячо любимая маменька, дядя, гувер-

нантка Варвара Федоровна, горничная, сестра Поленька. Он и не думает о том, что едет поступать в Благородный пансион. Не возок — быстрый корабль несет его в неведомые дальние страны. Не умолкая, рассказывает он сестре о новых прекрасных землях, которые им предстоит увидеть. «Ведь Колумб открыл Америку, и я открою какую-нибудь землю, обо мне будут печатать в книгах, а я в новых землях буду устраивать разные концерты, оркестры, музыку и много хороших музыкантов...» И Поленька удивляется и радуется его фантазиям.

Впереди 1818 год. Михаилу Глинке шел четырнадцатый. Кто мог предположить тогда, что детские его мечты окажутся пророчеством?

Пройдут годы, и он, Глинка, совершит не одно путешествие в чужие страны. Он и правда откроет новую землю. Не ту, что можно увидеть на географической карте, — совсем особую. И будут на той земле концерты, музыка, будут около него оркестры и много хороших музыкантов. О нем, открывателе «новой земли», напечатают в книгах.

«МУЗЫКА ДУША МОЯ»

Я родился 1804 года, мая 20-го дня, утром на заре в селе Новоспасском, принадлежавшем родителю моему, капитану в отставке, Ивану Николаевичу Глинке; имение это находится в 20-ти верстах от города Ельни Смоленской губернии; оно расположено по реке Десне, близ ее истока, и в недалеком расстоянии окружено непроходимыми лесами...

М. И. Глинка

По рассказу матери, после первого крика новорожденного под самым окном ее спальни, в густом дереве, раздался звонкий голос соловья, с его восхитительными трелями, и мой отец, когда был впоследствии недоволен тем, что брат оставил службу и занимался музыкой, часто говаривал: «Не даром соловей запел при его рождении у окна, вот и вышел скоморох».

Л. И. Шестакова

...Вскоре по рождении моем матушка моя Евгения Андреевна, урожденная Глинка, принуждена была пре-

доставить первоначальное мое воспитание бабке моей Фекле Александровне (матери моего отца), которая, овладев мною, перенесла меня в свою комнату. С нею, кормилицею и нянею, провел я около трех или четырех лет, видаясь с родителями весьма редко. Я был ребенком слабого сложения, весьма золотушного и нервного расположения, бабка моя, женщина преклонных лет, почти всегда хворала, а потому в комнате ее (где обитал я) было по крайней мере не менее 20° градусов тепла по Реомюру. Несмотря на это, я не выходил из шубки... на свежий воздух выпускали меня очень редко и только в теплое время.

...Бабушка моя баловала меня до невероятной степени; мне ни в чем не было отказа; несмотря на это, я был ребенком кротким и добронравным, и только когда тревожили меня во время занятий, становился недотрогою (мимозою), что отчасти сохранилось и доныне...

М. И. Глинка

Покуда он жил у бабушки, у него никаких друзей и товарищей не было; он рос совершенно один...

...Няня его, которая была при нем у бабушки, Татьяна Карповна, рассказывала мне, что брат... видя или слыша, как бабушка, бывало, сердилась на прислугу или крестьян, только она начинала кричать, немедленно выбегал из комнаты, бросался к няне на шею и горько плакал. Один раз бабушка, заметив это, стала остерегаться, а няню наказали, говоря, что это она его научила...

...Вторая няня, или, как теперь называют, поднянька, в помощь Татьяне Карповне, была молодая, веселая женщина, Авдотья Ивановна, которая знала много разных сказок и песен. Впоследствии она была моей няней, жила долго и рассказывала мне следующее: «Страшное наше житье тогда было; я боялась вашу ба-

Михаил Глинка
с матерью Евгенией
Андреевной
и сестрой
Пелагеей (1817 г.).

бушку как огня: как заслышу ее голос, так хоть бы провалиться! И бывало, когда бабушка заметит, что Михаил Иванович скучен или не совсем здоров, сейчас крикнет: Авдотья, рассказывай сказки и пой. И барчук, как звали мы его, всегда был доволен этим!»

Л. И. Шестакова

Вспоминая детство, сестра Глинки так рассказывает о своих родителях:

«Они всю жизнь свою уважали друг друга и были счастливы...» Отец «был от природы умный и по тому времени очень образованный человек». Крестьяне любили отца. «Он не только обращался с ними человечно, но с радостью и любовью узнавал их нужды и помогал им...» Мать «была красавица, к тому же очень хорошо воспитана и прекрасного характера...» «По словам матери, ей с братом ладить было нетрудно, несмотря на его избалованность. Он был такого мягкого характера, что малейшему ласковому слову повиновался, и, напротив, жестокое, даже серьезное слово его приводило в нервное раздражение».

Выучась читать *чрезвычайно рано*, я нередко приводил в умиление мою бабу и ее сверстниц...

Музыкальные способности выражались в это время *страстью* к колокольному звону (трезвону); я жадно вслушивался в эти резкие звуки и умел на двух медных тазах ловко подражать звонарям — в случае болезни приносили малые колокола в комнаты для моей забавы.

М. И. Глинка

Исстари новоспасские колокола славилась не только на всю округу, но и за ее пределами. Я и до сего дня помню новоспасский звон, глубокий, бархатный и ясный, медленно плывущий над лесами. Звуки тянулись далеко, далеко. В тихую погоду, бывало, они долетали до Шмакова. У нас, в Шмакове, обычно звонили по-новоспасскому...

В. Н. Глинка

...Глинка родился, провел первые годы и получил первое свое образование не в столице, а в деревне, и таким образом натура его приняла в себя все те элементы музыкальной народности, которые, не существуя в наших городах, сохранялись лишь в сердце России...

В. В. Стасов

После кончины бабушки моей образ моей жизни несколько изменился. Матушка баловала меня менее и старалась даже приучать меня к свежему воздуху, но эти попытки по большей части оставались без успеха. Кроме сестры, годом меня моложе, и моей няни, вскоре взяли другую няню, вдову землемера по имени Ирину Федоровну Мешкову, с дочерью, несколько старше меня. Эта няня была женщина простая и чрезвычайно добрая, а матушка хотя не баловала, но любила нас, и нам было хорошо. Впоследствии присоединили к Ирине Федоровне француженку Розу Ивановну, а нанятый от-

цом моим архитектор вместо мела дал мне карандаш в руку и начал свои уроки рисования, как водится, с глаз, носов, ушей и пр., требуя безотчетного от меня механического подражания; при всем том, однако ж, я быстро успевал. Сверх того, один дальний родственник, любознательный, бодрый и весьма приятного нрава старичок, нередко навещал нас — любил рассказывать мне о далеких краях, о диких людях, о климатах и произведениях тропических стран и, видя, с какою жадностью я его слушал, привез мне книгу под названием: «О странствиях вообще», изданную в царствование Екатерины II-й.

Я с рвением принялся за чтение этой книги, и, сколько помню, она содержала отрывки из путешествий знаменитого Васко да Гама. Я получил от него же впоследствии другие томы этого собрания путешествий, и когда дело дошло до описания острова Цейлона, Суматры, Явы и других островов Индийского архипелага, то мое воображение так разыгралось, что я принялся изучать описание этих прелестных островов... что и послужило основанием моей страсти к географии и путешествиям...

...Всегда окруженный женщинами, играя только с сестрою и дочерью няни, я вовсе не походил на мальчиков моего возраста. При этом страсть к чтению, географическим картам и рисованию, в котором я начал приметно успевать, часто отвлекала меня от детских игр, и я по-прежнему был нрава тихого и кроткого...

М. И. Глинка

Так мирно, безмятежно текла жизнь в Новоспасском до августа 1812 года, пока на Смоленщину не пришла война. Тогда все перевернулось в жизни мальчика, и многое открылось с новой стороны...

Смоленская губерния больше других губерний пострадала от нашествия врага. По смоленской земле

Рисунок М. Глинки.

дважды прошли с боями наши войска и армия Наполеона.

Город Смоленск оказался на переднем крае. В Смоленской губернии формировалось первое отечественное ополчение и начался сбор пожертвований среди населения для снаряжения ополчения.

Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество!

А. С. Пушкин

17 июля, Смоленск

Мой друг, настают времена Минина и Пожарского! Везде гремит оружие, везде движутся люди! Дух народный после двухсотлетнего сна пробуждается, чуя грозу военную...

22 августа

Восстал дух Русской земли! Он спал богатырским сном и пробудился в величественном могуществе своем. Уже повсюду наносит он удары злодеям. Нигде не сдается: не хочет быть рабом. Он заседает в лесах, сражается на пепле сел и *просит поля у врага*, готовясь стать и биться с ним целые дни.

Ф. Н. Глинка

Вот как описывает современник события, происходившие в селе Новоспасском в августе 1812 года.

Подвиг священника села Новоспасского (сообщено из Ельни).

В 1812 году, когда Наполеон, враг мира и спокойствия, вторгся в пределы любезного нашего отечества, когда несметные полчища его спутников и единомышленников, грозивших повсеместным опустошением, рассеялись в пределах смоленских, тогда с. Новоспасское, отстоявшее от г. Ельни в 20 верстах, подвержено было равной участи с прочими селениями Смоленской губернии. Помещик и ктитор того села, капитан Глинка, обремененный многочисленным семейством, удалился по мере приближения неприятелей в другие губернии, поруча храм Преображения Господня, со всеми церковными утварями, охранению и попечению священника Иоанна Стобровского. Иоанн, невзирая на опасность, угрожавшую селению и храму... оставался во все время безотлучно при церкви. В преклонной старости, претерпевая страх, голод и свирепство зимы, он решился или отстоять церковь, или умереть на пепле оной... Крестья-

не, вразумляемые и одушевляемые его советами, общими силами нападали на отряды врагов, устремлявшихся к грабежу и разорению. 30 августа отряд французов, состоявший из семидесяти человек, окружил церковь...

Французы, тщетно силившиеся пробиться в железные двери и решетки, сделали выстрел из ружья в окно... Злодеи, не надеясь ворваться в церковь, бросились грабить дом помещика и в то же время опустошили жилище священника...

Из архивных материалов

Иоанн Стобровский, когда Глинка был маленький, часто приходил к бабушке и научил мальчика грамоте.

Родная Глинке Смоленщина была той землей, где разыгрались главные действия войны 1812 года. Каждый камень в городе Смоленске хранит память о тех героических днях.

...Именем отечества просите обывателей всех близких к неприятелю мест вооруженною рукою нападать на уединенные части неприятельских войск, где оных увидят... Восставшие для защиты отечества граждане вспомогать будут усилиям братьев и соотечественников своих, которые на поле брани за них жертвуют жизнью.

Из воззвания Барклая де Толли
к жителям г. Смоленска

Достойные смоленские жители, любезные соотечественники!.. В самых лютейших бедствиях своих показываете вы непоколебимость своего духа... Враг шел разрушить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущество, наложить на вас тяжкие оковы, но не мог и невозможно победить и покорить сердца ваших. Таковы Россияне!

Из воззвания Кутузова к смолянам

Жители Смоленска свято хранят память о героической гибели смоленского помещика Павла Ивановича Энгельгардта. Французы арестовали его как зачинщика партизанских нападений на их отряды и приговорили к расстрелу. «Русские умеют умирать за отечество и не привыкли быть рабами иноплемеников», — сказал Энгельгардт на допросе. Когда стали читать приговор, он сказал по-французски: «Полно врать, пора перестать! Заряжайте скорей и пали, чтобы не видеть мне разорения моего отечества». Ему хотели завязать глаза. Энгельгардт сбросил платок и сказал: «Русский смерти не боится».

В наши дни жители и гости Смоленска приходят поклониться герою к месту его гибели — туда, где был крепостной ров за Молоховскими воротами.

Мой друг! Я в Смоленске с сегодняшнего утра. Я взял этот город у русских... Мои дела идут хорошо.

Наполеон. В письме к жене 18/VIII

Вся армия считала Смоленск концом своего утомительного похода. Все рассчитывали войти в город, изобилующий всем необходимым, и здесь отдохнуть как следует. Город представлял из себя лишь огромный костер, покрытый трупами и ранеными. Пожар... уничтожил половину города, жители бежали.

Офицер французской армии

Смоленск был нами куплен дорогой ценой... Русские дрались, как львы... Барклай де Толли сжег город и обратил в пепел громадные провиантские магазины, на которые мы сильно рассчитывали. Отступление русских войск было произведено в полном порядке.

Начальник французского обоза

В особенности между русскими стрелками выделялся своей храбростью и стойкостью один русский егерь, поместившийся как раз против нас, на самом берегу, за ивами, и которого мы не могли заставить молчать ни сосредоточенным против него ружейным огнем, ни даже действием одного специального против него назначенного орудия, разбившего все деревья, из-за которых он действовал, но он все не унимался и замолчал только к ночи, а когда на другой день, по переходе на правый берег, мы заглянули из любопытства на эту достопамятную позицию русского стрелка, то в груде искалеченных и расщепленных деревьев увидали распростертого ниц и убитого ядром нашего противника, унтер-офицера егерского полка, мужественно павшего здесь на своем посту.

Французский артиллерийский
полковник

...Жители при нашем приближении разбегаются и уносят с собою все, что только могут взять, и скрываются в густых, почти неприступных лесах. Солдаты наши оставляют свои знамена и расходятся искать пищу; русские мужики, встречая их поодиночке или несколько человек, убивают их дубьем, кольями или ружьями.

Офицер, чиновник
по продовольственным делам
французской армии

...В настоящее время выгоднейший путь действий главной армии есть тот, который, перерезав дорогу из Ельни в Дорогобуж, выходит на дорогу, ведущую от Ельни в Смоленск, а потом, оставя Смоленск, вправо, пролегает на Красный к Орше...

Ку т у з о в. Осенью 1812 года

Ушла война со Смоленщины, и помещик Глинка с семьей, как уехал в десяти экипажах на собственных лошадях в Орел, «так же возвратились в 13-м году обратно».

Хотя из строений было много разорено, потому что французы проходили близко, но имущество все было ограждено и скрыто крестьянами. Они любили отца...

Л. И. Шестакова

Ушла война, и жизнь в Новоспасском постепенно наладилась, вошла в прежние берега. События, всколыхнувшие сердца людей, навсегда остались в душе и памяти их участников, современников и потомков.

Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моей колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей.

А. И. Герцен

Нашествие Наполеона, захватив всю Смоленщину, не миновало и Ельнинскую округу. Народная память сохранила до моих дней много рассказов и легенд о той суровой и славной године. В Шмакове от дедов к внукам переходил рассказ о том, как наполеоновские полчища бежали из Москвы. В это время, повествует легенда, вражеские отряды увозили через Шмаков фуру, груженную золотом. Но не захотела отдать врагам свои сокровища русская земля. При переезде через шмаковскую плотину фура сорвалась, ушла в глубь озера, и золото, находившееся в ней, стало заповедным кладом. Нет нужды, что в шмаковском озере от века никто не тонул, — легенда продолжает жить, сохраняя память о героических временах...

В. Н. Глинка

Детские впечатления, рассказы взрослых, легенды, стихи, песни сделали музыканта Глинку певцом красоты, подвига, величия русского народа.

Музыкальное чувство все еще оставалось во мне в неразвитом и грубом состоянии. Даже по 8-му году, когда мы спасались от нашествия французов в Орел, я с прежнею жадностью вслушивался в колокольный звон, отличал трезвон каждой церкви и усердно подражал ему на медных тазах...

У батюшки иногда собиралось много гостей и родственников; это случалось в особенности в день его ангела или когда приезжал кто-либо, кого он хотел угостить на славу. В таком случае посылали обыкновенно за музыкантами к дяде моему, брату матушки, за 8 верст. Музыканты оставались несколько дней, и когда танцы за отъездом гостей прекращались, играли бывало разные пьесы. Однажды, помнится, что это было в 1814 году, одним словом, когда я был по 10-му или 11-му году, играли квартет Крузеля с кларнетом; эта музыка произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатление; я оставался целый день потом в каком-то лихорадочном состоянии, был погружен в неизъяснимое томительно-сладкое состояние, и на другой день во время урока рисования был рассеян; в следующий урок рассеянность еще увеличилась, и учитель, заметя, что я рисовал уже слишком небрежно, неоднократно журил меня и наконец, однако ж, догадавшись, в чем было дело, сказал мне однажды: что он замечает, что я все только думаю о музыке. «Что ж делать?» отвечал я, «музыка душа моя».

И действительно, с той поры я страстно полюбил музыку. Оркестр моего дяди был для меня источником самых живых восторгов. Когда играли для танцев... я брал в руки скрипку или маленькую флейту (piccolo) и подделывался под оркестр... Отец часто гневался на ме-

ня, что я не танцую и оставляю гостей, но при первой возможности я снова возвращался к оркестру. Во время ужина обыкновенно играли русские песни, переложенные на 2 флейты, 2 кларнета и 2 фагота — эти грустно-нежные, но вполне доступные для меня звуки, мне чрезвычайно нравились (я с трудом переносил резкие звуки, даже валторны на низких нотах, когда на них играли сильно), — и может быть эти песни, слышанные мною в ребячестве, были первою причиною того, что впоследствии я стал преимущественно разрабатывать народную русскую музыку.

...Около этого времени выписали нам гувернантку из Петербурга, Варвару Федоровну Кляммер. Это была девица лет 20-ти, высокого росту, строгая и взыскательная; она, если не ошибаюсь, воспитывалась в Смольном монастыре и взялась учить нас по-русски, по-французски, по-немецки, географии и музыке... Хотя музыке, т. е. игре на фортепьяно и чтению нот, нас учили механически, однако ж я быстро в ней успевал. Варвара Федоровна была хитра на выдумки; как только мы с сестрой начали кое-как разбирать ноты и попадать на клавиши, то сейчас она приказала приладить доску к фортепьяно над клавишами так, что играть было можно, но нельзя было видеть рук и клавишей, а я с самого начала привык играть не смотря на пальцы...

Хотя я любил музыку почти бессознательно, однако ж очень хорошо помню, что предпочитал те пьесы, кои были доступны моим тогдашним музыкальным понятиям. Оркестр вообще я любил более всего...

М. И. Г л и н к а

ВРЕМЯ НЕЗАБВЕННОЕ

Так жил Глинка в родном Новоспасском, пока не исполнилось ему тринадцать лет, пока не пришла пора расставаться с детством.

Родители, желая определить его будущее, решили отдать его в Благородный пансион.

Пансион этот, открытый 1 сентября 1817 года при Главном педагогическом институте в Петербурге, был привилегированным, как и Царскосельский лицей, учебным заведением для детей дворян. Окончив его, получив там общее образование, молодой человек мог продолжать свои ученые занятия по той или другой специальности или идти на государственную службу.

К экзамену Глинка был подготовлен превосходно. Гувернантка Варвара Федоровна Кляммер, по словам Л. И. Шестаковой, была хорошо образована, а «брат во всем успевал удивительно».

И вот «в начале 1817 года, в 20-х числах января, отец устроил большой удобный возок и отправил мать с братом Михаилом Ивановичем и сестрою Пелагеей Ива-

новой в Петербург. Но так как сам по делам службы не мог сопутствовать им, то поручил дяде, Афанасию Андреевичу, бывшему опекуну матери и брату ее, ехать с ними...

Мать говорила мне об этом путешествии относительно брата, что он всю дорогу уверял сестренку свою, что они едут открывать новую страну, новые земли... Или превращался в Робинзона, а сестра была у него Пятницею».

Л. И. Шестакова

Так в играх провели дети весь путь от Новоспасского до Петербурга, и наконец открылся им первый в их жизни большой город.

Вид огромных стройных домов и улиц произвел на меня волшебное действие, и долго, долго сохранилось впечатление восторга и удивления.

М. И. Глинка

О помещении брата в пансион и жизни в Петербурге мать ничего не помнила: ей было много хлопот, а она первый раз была в столице.

Но об этом пишет брат в своих «Записках», равно и о том, что он каждое лето ездил в деревню на каникулы, когда был в пансионе.

Л. И. Шестакова

Пансион наш помещался в доме Отто, у Калинкина моста, возле больницы. Отец мой не щадил для меня издержек и потому поместил меня с тремя другими, одинакового со мною возраста, воспитанниками и особенным гувернером в мезонине того же дома; там нашлось место и для фортепьяно...

Не стану исчислять всех предметов, которые нам преподавали; скажу только, что я, особенно сначала,

усердно занимался во всех классах. Впоследствии любимыми моими предметами были языки: латинский, французский, немецкий, английский и потом персидский, из наук — география и зоология. Я сделал столь быстрые успехи в арифметике и алгебре, что был репетитором последней из них...

М. И. Г л и н к а

Из Положения для Благородного пансиона:

ГЛАВА II — О ПРЕДМЕТАХ УЧЕНИЯ,

§ 13

В пансионе будут преподаваемы следующие предметы:

- 1) Закон божий.
- 2) Логика и нравственная философия.
- 3) Право.
- 4) Политическая экономия.
- 5) Математика.
- 6) Военные науки.
- 7) Физика и химия.
- 8) Естественная история.
- 9) География и статистика.
- 10) История.
- 11) Словесность греческая.
- 12) Словесность латинская.
- 13) Словесность российская.
- 14) Словесность немецкая.
- 15) Словесность французская.
- 16) Словесность английская.
- 17) Искусство:
 - a) архитектура
 - в) рисование
 - с) черчение
 - d) пение
 - e) фехтование
 - f) танцевание.

Примечание. Желаящие обучаться музыке должны платить за то особо. Правление пансиона приложит попечение об уменьшении сей издержки наймом одного учителя для нескольких и заведением общих музыкальных инструментов...

§ 18

В каждом классе курс учения совершается в одиннадцать месяцев, т. е. он начинается в августе и оканчивается к июлю.

§ 19

Правление пансиона назначает предметы, сообразуясь с склонностью и способностями воспитанников. Сие в особенности разумеется о пансионерах меньшего возраста, дабы развлечение внимания многими предметами не произвело запутанности в их понятиях.

В год открытия Благородного пансиона туда поступил Лев Пушкин — младший брат поэта. Он был всего на год моложе Глинки, и они, познакомившись, дружились. Сам Пушкин в тот год окончил Царскосельский лицей, и о сочинениях его уже говорили в Петербурге. Лицейский друг поэта, в будущем один из активных участников восстания декабристов — умный, добрый, пылкий Кюхля (Кюхельбекер), преподавал в пансионе российскую словесность и был к тому же гувернером Глинки. Пушкин часто хаживал в пансион к брату Льву и Кюхельбекеру.

Много лет спустя, рассказывая в автобиографических «Записках» о пребывании в пансионе, Глинка умалчивает о своем отношении к Кюхельбекеру. После разгрома декабристского восстания Кюхельбекер десять лет просидел в одиночной камере в Шлиссельбургской и Кексгольмской крепостях, а потом был отправлен в ссылку в Сибирь и умер в городе Тобольске в 1846 году. Какую роль играл Кюхельбекер в жизни юного Глинки и его товарищей по Благородному пансиону, рассказывает друг композитора Н. А. Маркевич:

«...мысль о свободе и конституции была в разгаре. Кюхельбекер ее проповедовал на кафедре русского языка; А. Пушкин написал свою оду «Вольность», — другую пьесу «Кинжал», — «Деревня»; все это я имел через Кюхельбекера и через Льва Пушкина». Учителя русской словесности, гувернера Глинки Вильгельма Карловича Кюхельбекера, Маркевич называет «благо-

роднейшим, добрейшим, чистейшим существом». Рассказывая о том, какие литературные и политические споры вели воспитанники в пансионе, Маркевич говорит о себе самом, что он «при имени Людовика XIV плевал»... и что его «мнений были Левик Пушкин и Михайло Глинка, который, кроме музыки, был хорошим оценщиком поэзии и не сочувствовал никаким Бурбонам».

Кюхельбекер, горячо любивший русскую поэзию, прекрасно знавший русскую историю, древние русские летописи, народные сказания и песни, не мог не передать своим воспитанникам горячий интерес к истории народа, к его культуре и восторженное поклонение гению Пушкина.

Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! В Россию скачет...» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов...

И. И. Пущин

...Но мысль ужасная здесь душу омрачает:

Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

...Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?

Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок...

...Пока свободою горим
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

В эту счастливую для Благородного пансиона и для Глинки пору Глинка встретился с первой поэмой Пушкина «Руслан и Людмила». Сказка эта загорелась потом яркой звездой в музыке Глинки, как вся поэзия Пушкина, личность Пушкина стала живым источником творчества композитора.

...В одно прекрасное утро пригласил его (Пушкина) полицмейстер к графу Милорадовичу, тогдашнему петербургскому военному генерал-губернатору. Когда привезли Пушкина, Милорадович приказывает полицмейстеру ехать в его квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему: «Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумаги, я здесь же все вам напишу». (Пушкин понял, в чем дело...)

Пушкин сел, написал все контрабандные свои стихи и попросил дежурного адъютанта отнести их к графу в кабинет. После этого подвига Пушкина отпустили домой и велели ждать дальнейшего приказания...

...Директор (директор лицея Энгельгардт) рассказал мне, что государь (это было уже после того, как

Пушкина уже призывали к Милорадовичу...) встретил его в саду и пригласил с ним пройтись.

«Энгельгардт, — сказал ему государь, — Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает. Мне нравится откровенный его поступок с Милорадовичем, но это не исправляет дела».

Директор на это ответил: «Воля вашего величества, но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника; в нем развивается необыкновенный талант, который требует пощады. Пушкин теперь уже — краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека. Я думаю, что великодушие ваше, государь, лучше вразумит его».

И. И. Пущин

Разгневанный царь в мае 1820 года выслал поэта из столицы на юг России.

Друзья, почитатели Пушкина, бурно пережили это событие.

На заседаниях Вольного общества Российской словесности читал свои вольнолюбивые стихи Кюхельбекер.

...О Дельвиг! Дельвиг! Что гоненья?
Бессмертие равно удел
И смелых, вдохновенных дел
И сладостного песнопенья!
Так, не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастье и в несчастье твердый
Союз любимцев вечных Муз!..

...И ты, — наш юный Корифей, —
Певец любви, певец Руслана!

Что для тебя шипенье змей,
Что крик и Филина и Врана? —
Лети и вырвись из тумана,
Из тьмы завистливых времен.

К ю х е л ь б е к е р. Поэты

Что за прелестный человек этот Кюхельбекер.

Из письма Рылеева к Пушкину

Летом 1820 года Кюхельбекер был уволен из Благородного пансиона.

Молодые люди, которые выросли на моих глазах, которых научил я чувствовать и мыслить, оставили мой класс и перешли в высший...

Из письма Кюхельбекера к Жуковскому

Профессоры старших классов были люди с познаниями, образованные... в высших классах преподавали г. г. профессора Педагогического института; в их числе были: ...Арсеньев, пр. географии и статистики, Куницын — прав и проч.

М. И. Г л и н к а

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень.
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена.

А. С. П у ш к и н

Вот с какими словами обратился Куницын в день открытия Царского лицея 19 октября 1811 года к сыновьям потомственных родовитых дворян:

...Почести без заслуг, отличие без дарования, украшения без добродетели наполняют горестью благород-

ное сердце. Какая польза гордиться титлами, приобретенными не по достоянию, когда во взорах каждого видны укоризна... ненависть или проклятие?.. Любовь к славе и отечеству должна быть вашими руководителями.

Смело, бодро выступил профессор политических наук А. П. Куницын и начал не читать, а говорить об обязанностях гражданина и воина... По мере того как раздавался его чистый, звучный и внятный голос, все оживлялись, и к концу его замечательной речи слушатели уже были не опрокинуты к спинкам кресел, а в наклонном положении к говорившему: верный знак общего внимания и одобрения.

И. И. Пущин

Профессор Педагогического института К. И. Арсеньев, преподававший в старших классах Благородного пансиона географию и статистику, имел немало заслуг перед Россией и человечеством. Знаменитый географ, основатель Российского географического общества, К. И. Арсеньев был одним из самых передовых людей своего времени. Среди своих учеников он неустанно проповедовал идею освобождения крестьян от крепостной зависимости, заботился о просвещении народа.

...Преграждать народу пути к образованию — значило бы подавлять гений и лишать общество лучших деятельнейших членов...

К. И. Арсеньев

Чем шире распространялись в обществе вольнолюбивые идеи, тем жестче вели себя власть имущие, тем крепче держались за прежний порядок его приверженцы, тем суровой наказывали они своих идейных противников.

Вот как говорит об этом Грибоедов в нескольких репликах героев бессмертной комедии «Горе от ума».

Хлестова

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их;
Да от ланкартачных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и безверьи
Профессоры!! — у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщины бегаёт, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два;
А книги сохраняют так, для больших okazji.

Почти так и случилось...

В феврале 1821 года Лев Пушкин организовал бунт воспитанников на уроке, требуя возвращения Кюхельбекера, и был уволен из пансиона.

В марте 1821 года был уволен из пансиона профессор Куницын. Его книга «Естественное право» была признана вредной, как «противоречащая явно истинам христианства и клоняющаяся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных».

...беспорядок сей не может быть почитаем временным токмо и нечаянным, но ясно доказывает слабое управление начальства в сем заведении, допустившего укорениться столь вредному духу между воспитанниками, ко-

торый, наконец, обнаружился в явном буйственном поступке... Инспектору же пансиона Линдквисту, обнаружившему при сем случае слабость... предпоручено сделать строгий выговор.

Из предписания А. Н. Голицына —
С. С. Уварову

Инспектор Линдквист был уволен от занимаемой должности.

В ноябре 1821 года в университете состоялось чрезвычайное собрание в связи с представлением попечителя Петербургского учебного округа Рунича правлению университета, что философские и исторические науки преподаются в духе, противном христианству. К делу привлечены профессора: Галич, Раупах, Герман, Арсеньев.

В январе 1822 года уволен из пансиона профессор Арсеньев. В заключении министра просвещения по делу профессора Арсеньева говорилось, что понятия Арсеньева «о религии и правительстве столь же нелепы, как дерзостны в отношении к отечественному правительству... Под именем статистики, истории и философии распространяются опасные учения».

Беспрестанное сношение детей с родителями и еженедельные отпуска из пансиона воспитанников не только к родителям, но даже к родственникам их, есть без сомнения изобильный источник беспорядка; посему необходимость требует, чтоб сии отношения были сколько можно уменьшены, если нет возможности вовсе пресечь.

Из представления С. С. Уварова —
А. Н. Голицыну

Пострадали многие преподаватели и воспитанники Благородного пансиона — те, кто не одобрял действий

властей, не следовал жестким приказам. Глинка не был среди них, но вот с какой горечью пишет он о своем пребывании в пансионе родителям 2 мая 1822 года:

...Я не осмеливаюсь порицать то заведение, в котором по воле вашей, милые родители, я приобрел те малые сведения, кои могут проводить мне путь к большим познаниям; однако же, говоря правду, должно признаться, что теперь ученье у нас в совершенном упадке...

В начале лета 1822 года Глинка был выпущен из Благородного пансиона, оказавшись вторым учеником.

Вспоминая много лет спустя о годах учения в пансионе, Глинка так рассказывает о себе:

В рисовании я без сомнения дошел бы до некоторой степени совершенства, но Академики Бессонов и Суханов замучили меня огромными головами... требуя рабского подражания... Математику я разлюбил, когда дошел до Аналитики — Уголовное и Римское право мне вовсе не нравилось. В танцах я был плох, равно как и в фехтовании... Преимущественно я успевал в языках... Немецкому выучился в полгода к изумлению Профессора, Латинский... Английский и Персидский... шли удачно... Географию знал хорошо — историю порядочно. Естественные науки, в особенности зоологию, любил страстно.

Главной же его страстью, привязанностью в годы учения в пансионе была музыка.

Во время пребывания в пансионе и даже вскоре по приезде в Петербург, родители, родственники и их знакомые возили меня в театр; оперы и балеты приводили меня в неописанный восторг... Тогда я худо понимал серьезное пение, и солисты на инструментах и оркестр нравились мне более всего...

...Я не пропускал случая быть где-либо на концерте...

М. И. Глинка

Вот что рассказывает композитор в «Записках» о своих музыкальных занятиях в те годы:

По приезде в Петербург я учился играть на фортепьяно у знаменитого Фильда и, к сожалению, взял у него только три урока, ибо он уехал в Москву. Хотя я слышал его немного раз, но до сих пор хорошо помню его сильную, мягкую и отчетливую игру. Казалось, что не он ударял по клавишам, а сами пальцы падали на них, подобно крупным каплям дождя, и рассыпались жемчугом по бархату. Ни я, ни другой искренний любитель музыкального искусства не согласится с мнением Листа, сказавшего однажды при мне, что Фильд играл вяло, — нет, игра Фильда была часто смела, капризна и разнообразна, но он не обезображивал искусства шарлатанством и не рубил пальцами котлет, подобно большей части новейших модных пьянистов.

В три взятые мною урока я выучил его второй дивертисмент... и получил от него лестное одобрение.

. По отъезде Фильда взяли мне в учителя ученика его Омана, который начал со мною первый концерт Фильда; после него Цейнер усовершенствовал еще более механизм моей игры и несколько даже и стиль (способ игры...). Преподавание же теории... шло не так успешно. Цейнер требовал, чтобы я учил его уроки вдобляшку, а это мне надоело, почему я впоследствии взял в учителя Карла Мейера, который со временем сделался моим приятелем: он более других содействовал развитию моего музыкального таланта...

На скрипке дело шло не так удачно. Хотя учитель мой, первый концертист Бем, играл верно и отчетливо, однако не имел дара передавать другим своих познаний,

и когда я дурно владел смычком, говорил: «...господин. Глинка, вы никогда не будете владеть скрипкой».

Друзья Глинки по пансиону оставили нам интересные воспоминания о нем, как о музыканте, о его характере, внешности.

Он уже и в Пансионе был превосходным музыкантом. Будучи тогда уже учеником Фильда, он восхитительно играл на фортепьяно; и тогда уже его импровизации были прелестны. Маленький, крошечный, довольно безобразный, с огромной по росту головой и с гениальным, пламенным взглядом. Я его прозвал «Глиночка»... Я с ним провел много, много чудных дней.

Н. А. Маркевич

Разнообразные и непрерывные занятия пансионской жизни не отвлекали его от любимого искусства. В это время он еще мало занимался теорией музыки; но и тогда в длинные зимние ночи, в летние петербургские сумерки... после сухих репетиций... он предавался полету свободной импровизации, отдыхая за нею от головоломных занятий, от забот ученических. В этих звуках, дрожащих восторгом, высказывал он и свои детские мечты, и свою томную грусть, и свои живые радости. Если бы кто видел его, сидящего в летнюю, лунную ночь у окна с географией Арсеньева или с любимым Кювье в руках, если б видел, как он сводит глаза с книги на месяц, с месяца на книгу, тот, верно бы, сказал: «это прилежный, рачительный ученик, но науки не его назначение — он рожден быть художником».

Н. А. Мельгунов

НЕДАРОМ ЗАПЕЛ СОЛОВЕЙ

Я не сейчас вступил по выпуске в службу... навестил родителей и, возвратившись в Петербург, поселился неподалеку от бывшего нашего прежнего инспектора Линдквиста, у которого завтракал и обедал за условленную плату. Отец желал, чтобы я служил по *Иностранной Коллегии*, которая считалась в то время почетнейшею службою. А. А. Линдквист... мог быть мне весьма полезен, познакомив меня с французским дипломатическим языком. Плохо, однако же, шли наши занятия, — мне этот язык, вовсе не поэтический, казался чем-то диким и никак не входил в голову. С Мейером и даже Бемом, напротив того, я быстро успевал...

В начале марта 1823 года отец известил меня, что ему угодно было, чтобы я воспользовался представившимся удобным случаем для поездки на Кавказ, чтобы пользоваться там минеральными водами...

Близкие надеялись, что для моего золотушного расположения мне будут полезны кавказские минеральные воды...

...и я немедленно собрался в путь...

...Доехав до дому, я пробыл там до последних чисел апреля. Отец снабдил меня коляской, дал мне человека (моего бывшего дядьку по имени Илью) и повара Афанасия... через несколько дней... переехав *Оку*, очутился я уже в другой, новой для меня южной полосе. Дубовые рощи заменили наши березовые, по оврагам вместо лозы начали появляться груши, яблони и вишни в цвету, вид полей и деревень с беленькими мазанками вместо черных бревенчатых изб, нерегулярно тянувшихся, но живописно разбросанных, все это тешило взор днем, а ночью ясное, усеянное ярко-блестящими звездами небо восхищало меня... Таким образом прибыл я в Харьков к 10 мая... Чтобы не терять времени, я, по совету одного петербургского знакомого, отрекомендовался, сколько умел, г-ну Витковскому, у которого был в то время весьма хороший музыкальный магазин в Харькове. Сыграв первое соло *концерта* a-moll Гуммеля, я произвел столь приятное впечатление, что сейчас же познакомился с музыкальным семейством хозяина — и меня до самого приезда ожидаемого мною товарища потешали музыкою.

Наконец прибыл товарищ с братом своим, и мы отправились далее. Вскоре беспредельные степи сменили живописную Украину, мы переехали *Дон* в Оксае и очутились в Азии, что несказанно льстило моему самолюбию. Скажу, однако же, что до самого прибытия на серные воды (ныне *Пятигорск*) взор не находил предметов приятных, напротив, почти ничего не было видно, кроме беспредельных степей, заросших густой, высокой ароматической травой. Вид теперешнего Пятигорска в то время был совершенно дикий, но величественный; домов было мало, церквей, садов вовсе не было; но так же, как и теперь, тянулся величественно хребет кавказских гор, покрытых снегом, так же по равнине извивался ленточкой *Подкумок*, и орлы во множестве ширяли по ясному небу.

Я с товарищами поселился в скромном домике. Житье было приятное: товарищ привез запас книг, кухня была в порядке... Вообще мне там было хорошо, особенно в Пятигорске. Между прочим, я видел пляску черкешенок, игры и скачку черкесов...

М. И. Глинка

Лечение минеральными водами не поправило здоровья Глинки. Но первое в его жизни дальнейшее путешествие в чужие края принесло радость встречи с непривычным миром, и свежие впечатления отложились в памяти незнаемыми прежде звучаниями и красками.

В начале сентября я возвратился в Новоспасское и, отдохнув, с новым рвением принялся за музыку. Во время путешествия, продолжавшегося 4 месяца, в одном только Харькове у меня было фортепьяно, а на скрипке я играл весьма неудовлетворительно... чтобы добиться более отчетливого исполнения, всякий раз, когда приезжали музыканты (а это было приблизительно два раза в месяц, причем они оставались несколько дней, а иногда около недели), прежде общей пробы я проходил с каждым музыкантом, исключая немногих лучших, его партию, до тех пор пока не было ни одной неверной или даже сомнительной ноты в исполнении. Таким образом я подметил способ инструментовки большей части лучших композиторов для оркестра (Глюка, Генделя и Баха я знал только понаслышке). Потом слышал общий эффект пьесы, ибо, производя первые пробы вместе, сам я управлял оркестром, играя на скрипке, когда же пьеса шла порядочно, я отходил на некоторое расстояние и следил таким образом эффект изученной уже инструментовки. Репертуар состоял по большей части из увертюр, симфоний, а иногда игрались и концерты.

...В последнее время пребывания моего в Петербурге Мейер значительно развил мой музыкальный вкус; он не ограничился тем только, что, требуя от меня отчетливого и непринужденного исполнения, восставал решительно противу изысканного и утонченного выражения в игре, но также по возможности соображаясь с тогдашними моими понятиями, объясняя мне естественно и без педантизма достоинство пьес, отличая классические от хороших, а сии последние — от плохих. О сочинении вообще, о генерал-басе, контрапункте и других условиях хорошего способа писать мои понятия были столь неопределенны, что я принимался за перо, не зная, ни с чего начать, ни как и куда идти? Я предпринял писать сперва *септет*, потом *Adagio* и *Rondo* для оркестра. Если эти пьесы уцелели... то могут только послужить доказательством тогдашнего моего невежества в музыке.

М. И. Глинка

Брат... любил, чтобы жизнь его текла покойно и аккуратно, и потому у него всегда было распределено время для занятий.

В деревне вставали довольно рано; после чая он обыкновенно писал музыку или что другое, потом долго играл на рояле, а перед обедом читал. Обедали мы всегда в 1 час дня; после обеда он брал нас, меньших, к себе в комнату, устраивал там игры и даже вздумал в одной из своих комнат приладить для нас гору, с которой мы катались в тазах... брат приказал принести доски, один край их был положен на окно, а другой оставался на полу.

Комнат у брата было две... три крайних окна наверху с правой стороны — это была его спальня, очень большая комната, окнами в сад. Другая же, напротив, была тоже с тремя окнами, где с раннего утра было солнце. Брат отдавал ее птицам; в ней стояли ели и много невредных растений из оранжерей. Птиц у него

было более 16: между ними были варакушки, ольшанки, черноголовки, малиновки и даже соловей; все они летали на свободе по комнате, в которой для брата была поставлена кушетка; он часто лежал на ней и прислушивался к их щебетанию и пению. Помню, что он иногда брал меня с собою, приказывая сидеть смирно. И всегда после того, как побудет у птиц, возвратится в свою комнату, садится за рояль и играет долго, долго...

Брат занимался музыкой очень много и пробыл в деревне от сентября 1823 года до апреля 1824 года; в апреле он уехал в Петербург. Хандрил иногда немного, но оркестр дяди Афанасия Андреевича и вообще музыка его воскрешали.

Л. И. Шестакова

Я знал М. И. еще с университетского пансиона, куда он по выходе приезжал к товарищам...

Его серьезное лицо с смуглым, южным оттенком, с прищуренным или, точнее, с прислеповатым взглядом беспрестанно за разговором оживлялось, и если его черный сюртук резко отделялся от наших форменных сюртуков, то еще резче выделялся он своеобразною живостью движений, звонким голосом и смелой, энергической речью. Иногда его отрывистые, как бы судорожные, движения неожиданно поражали вас. Или он вдруг остановится, обнимет за талию то того, то другого товарища, или станет на цыпочки и горячо шепчет им, по очереди, что-то на ухо, как это часто делают люди сосредоточенные. Роста больше малого и меньше среднего. Его фигура была в главных частях соразмерна и довольно стройна. В нравственном отношении он уже и в то время, казалось, выходил из ряда людей обыкновенных. Его привязанность к однокашникам и их привязанность к нему оставили во мне неизгладимое впечатление.

А. Н. Струговщиков

В марте или апреле 1824 года я возвратился в Петербург, приискав квартиру в Коломне, не спешил, однако же, определением на службу. Со мною, кроме дядьки Ильи, было двое музыкантов, один из них Яков ...игравший несколько на виолончели, и брат его Алексей, уже довольно порядочный скрипач. Сему последнему наняли в учителя первого скрипача оркестра П. И. Юшкова; я же с новым рвением принялся за фортепьяно и скрипку. Карл Мейер уже не давал мне уроков; он сказал однажды: «...Вы слишком талантливы, чтобы брать у меня уроки, приходите ко мне запросто каждый день, и будем вместе музицировать». Я с искреннею признательностью вспоминаю об этих дружеских выражениях, которые оправдались на деле. Я посещал почти ежедневно Мейера, который жил с матерью своею и сестрами; с старшей из них... я нередко игрывал в 4 руки. Мейер же сам задавал по-прежнему мне различные пьесы, иногда свои, а чаще еще Гуммеля. Весьма терпеливо рассматривая мои опыты в сочинении, он объяснял мне, сколько умел, правила искусства, иногда, однако же, не ставя себя и своего стиля образцами. Напротив того, Моцарт, Керубини, Бетховен и другие классики были в таких случаях указываемы им, как высшая степень совершенства. Был в то время в Петербурге знаменитый контрапунктист Миллер; но мне как-то не удавалось познакомиться с ним. Как знать? Может быть, оно и лучше. Строгий немецкий контрапункт не всегда соглашается с пылкой фантазией.

М. И. Глинка

...Отец в то время с трудом удовлетворял моим издержкам на уроки музыки и языков...

...Я вступил в службу в канцелярию совета путей сообщения помощником секретаря. Это обстоятельство имело важное влияние на судьбу мою. С одной стороны, я должен был находиться в канцелярии только от 5 до

6 часов в день; работы на дом не давали, дежурства и ответственности не было; следственно все остальное время я мог предаваться любимым моим занятиям, в особенности музыке. С другой стороны, мои отношения по службе доставили мне в короткое время знакомства, весьма полезные в музыкальном отношении.

М. И. Глинка

В течение лета... 1824 года я переехал в дом Фалеева (тоже в Коломне), и вскоре перешел ко мне родственник Александр Иванович Киприянов... человек чрезвычайно умный, образованный и приятный. Видя, с какой неистовую страстью я предавался композиции, он старался отклонить меня от этой, по его мнению, пагубной склонности, уверял, что талант исполнения на фортепьяне и скрипке, кроме собственного удовольствия, действительно может доставить мне приятные и полезные знакомства, а от композиции, говорил он, кроме зависти, досад и огорчений ничего не должно надеяться. Я отчасти изведal справедливость его слов...

Мужской компании я тогда не любил, предпочитал же общество дам и молодых девиц, коим нравился мой музыкальный талант. Я вскоре убедился в необходимости уметь танцевать, начал учиться у *Гольца*, занимался с ним около двух лет и дошел... до... па, коим в то время франтили ловкие танцоры.

Около того же времени или несколько позже, не помню, я познакомился с итальянским певцом Belloli и начал у него учиться пению (итальянскому). Голос мой был сиплый, несколько в нос и неопределенный, т. е. ни тенор, ни баритон. Скажу, что, хотя у меня слух был отличный, в первые месяцы от непривычки слушать себя я пел неверно. Беллоли учил хорошо и владел еще голосом достаточно, так что мог сам петь все, чему учил меня...

Несмотря на частые занятия с Мейером, его объяс-

нения и постоянное глубокое напряжение, с которым я трудился, в сочинении все еще не было толку...

В 1825 году я познакомился с семейством княгини Хованской... Я много играл в 4 руки, большею частью квартеты Гайдна, симфонии Гайдна, Моцарта и даже некоторые пьесы Бетховена. Они тогда жили в Царском Селе. Я иногда приезжал к ним на несколько дней; мое появление приводило всех в радость, знали, что где я, там скуки не будет. Действительно, я умел в то время (милое время) разнообразно потешать моих знакомых, в особенности удачным исполнением сцен из опер buffa.

М. И. Глинка

Я знал, что Глинка пианист, но я не подозревал, что он и композитор. Вечера кн. Хованской мне это открыли. Ему пришла мысль написать французскую кадрили для этих вечеров.

Скоро музыка была готова, Глинка сделал у себя в квартире пробу... Все мы, приятели Глинки, собрались слушать и были в восторге. В первый после того вечер у Хованских мы поехали туда с каким-то волнением, музыка Глинки нам казалась родною. Вот раздаются первые аккорды: пары устанавливаются; я предупреждаю мою даму, что будет новая отличная музыка контраданса, сочиненная молодым композитором. «Да, — сказала дама, — надо послушать». Музыка заиграла, пары зашлись, начались разговоры, и дамы слушали не музыку, а речи своих кавалеров. Музыка прошла незамеченной. Тем не менее Глинка был очень доволен: в первый раз он являлся перед публикой, и мы им гордились...

П. А. Степанов

Я познакомился также с Д. П. Демидовым, дочь которого Елена Дмитриевна считалась по справедливости одною из первых певиц-любительниц столицы. Она вла-

дела чрезвычайно могучим контральто, но могла также исполнять и партии сопрано... По всей справедливости, я много обязан музыкальным упражнениям в доме Демидова.

М. И. Глинка

Около этого времени я написал первое *allegro* сонаты d-moll для фортепьяно с альтом, это сочинение опрятнее других... *Adagio* написано было позже, а *Rondo*, которого мотив в русском роде памятен мне до сих пор, я и не принимался писать.

Первая неудачная попытка в сочинении с текстом относится к этому времени. Это был романс... Когда же сочинен мною первый удачный романс *Не искушай меня без нужды* (слова Баратынского), — не помню, по соображению полагаю, что я написал его около этого времени, т. е. в течение 1825 года.

М. И. Глинка

В конце этого года я встречался иногда с некоторыми из прежних товарищей, один из них упрекал меня за то, что я оставил серьезные занятия, чтобы терять драгоценное время в суетных, как говорил он, забавах. Я помню, что ответил ему в таком смысле, что успею себе и после, а теперь считаю приличным соображаться с наклонностями своими и возрастом. Этот самый товарищ был жертвою своего легкомыслия; — он был приговорен к лишению чинов, дворянства и сослан в Сибирь в 1826-м году.

М. И. Глинка

Так, год за годом, подходит Глинка в своих воспоминаниях к событиям восстания декабристов, свидетелем которых он был, участником которых были «очень знакомые» ему люди.

Он близко знал Рылеева.

Один из главных «мятежников» — издатель «Полярной звезды» А. А. Бестужев был сослуживцем Глинки по совету путей сообщения. Статьями Бестужева зачитывались в начале 20-х годов все, кто думал о народности и самобытности русского искусства, а Глинка, по его словам, тогда уже «много работал на русские темы». Потому, наверное, так близка оказалась Глинке дума Рылеева «Иван Сусанин», в которой Пушкин нашел национальное, русское начало, к которой музыкант Глинка обратился, когда задумал писать русскую оперу.

Гувернер Глинки Кюхельбекер был среди восставших на площади рядом с руководителями. Участниками восстания оказались его друзья по пансиону Степан Палицын и Михаил Глебов. Последний был приговорен к каторге.

О знакомстве Глинки с мятежниками пишет в воспоминаниях граф В. А. Соллогуб: «Глинка еще юношею попал в общество отборной молодежи, частью дорого поплатившейся после бессмысленного возмущения за свой святотатственный патриотизм».

Это было время, когда ...революционные стихи Рылеева и Пушкина можно (было) найти в руках у молодых людей, в самых отдаленных областях империи. Нет ни одной благовоспитанной барышни, которая бы не знала их наизусть, ни одного офицера, который не носил бы их в своей полевой сумке, ни одного попавича, который не снял бы с них дюжину копий... Целое поколение подверглось влиянию этой пылкой юношеской пропаганды.

А. И. Герцен

...Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.

Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях празднои неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги *.

К. Ф. Рылеев

Глинке был 21 год. 14 декабря он пробыл несколько часов на Сенатской площади и ушел оттуда незадолго до развязки.

А тут пошли аресты: «того-то взяли», «того-то схватили», «того-то привезли из деревни»; испуганные родители трепетали за детей. Мрачные тучи заволокли небо.

А. И. Герцен

*Кюхельбекер скрылся. Его разыскивали...
Глинку вызвали на допрос, но отпустили...
В конце декабря Глинка уехал в Новоспасское.*

Первые годы, следовавшие за 1825-м, были ужасающие. Потребовалось не менее десятка лет, чтобы в этой злосчастной атмосфере порабощения и преследований можно было прийти в себя. Людьями овладела глубокая безнадежность, общий упадок сил.

А. И. Герцен

* Луций Юний Брут — основатель Римской республики, по древнему римскому преданию, возглавивший восстание против последнего римского царя Тарквиния. Рафаэль де Риего-и-Нуньес (1785—1823) — герой испанской революции 1820—1823 годов. Был казнен. Имя его стало символом борьбы за свободу. «Гимн Риего», написанный в честь героя при его жизни, стал в 1931 году государственным гимном Испанской республики.

Глинку в те дни не покидала безысходная тоска. Он сочинял, и в музыке сказывались его боль, смятение, тревога, печаль.

По вечерам и в сумерки любил я мечтать за фортепьяно. Сентиментальная поэзия Жуковского мне чрезвычайно нравилась и трогала меня до слез.

М. И. Глинка

К этому времени относятся романсы Глинки «Светит месяц на кладбище» и «Бедный певец» на слова Жуковского.

Бедный певец

О красный мир, где я вотще расцвел,
Прости навек; с обманутой душою
Я счастья ждал — мечтам конец;
Погибло все, умолкни, лира;
Скорей, скорей в обитель мира,
Бедный певец!
Что жизнь, когда в ней нет очарованья?
Блаженство знать, к нему лететь душой,
Но пропасть зреть меж ним и меж собой;
Желать всяк час и трепетать желанья...
О пристань горестных сердец,
Могила, верный путь к покою,
Когда же будет взят тобою
Бедный певец?

...Часто садился он за фортепьяно и погружался весь в свою игру, не видя и не зная, что около него творится...

Он отличался весьма малым ростом и своеобразною физиономией, то далеко некрасивою, то увлекательною. Черноволосый, с коротким крупным и прямым носом,

с выдвинутым подбородком, он закидывал постоянно голову назад, носом вверх, по инстинктивному желанию казаться выше... Всего поразительнее в нем оказывались глазки, то неподвижные и задумчивые, то сверкавшие искрами, то расширявшиеся и глубоко торжественные под наитием вдохновения сверхъестественного.

В. А. Соллогуб

В мае 1826 года Глинка вернулся в Петербург.

13 июля 1826 года казнены руководители декабрьского восстания.

Глинка «страдал бессонницей».

...Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна.

А. С. Пушкин

'Любимый наставник, «благороднейшее, добрейшее, чистейшее существо» Кюхельбекер приговорен к заключению в крепость... и к каторге.

Лицейский друг Пушкина Пущин приговорен к каторге.

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,

И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрые змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угля, пылающим огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

А. С. Пушкин

Душой всех мыслящих людей овладела глубокая грусть. Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в отдаленное будущее. Поэзия Пушкина была залогом и утешением.

А. И. Герцен

Осенью 1826 года Пушкин был в Москве, читал друзьям «Бориса Годунова» у Веневитинова, у Вяземского и у Соболевского.

Тогда же приехал в Москву Глинка, «связанный более других с Мельгуновым и Соболевским, и присоединилась музыка», по словам М. П. Погодина.

О том, какое впечатление производил Глинка на слушателей в то время, живо рассказывает А. П. Керн, которую познакомил с ним в 1826 году Лев Пушкин.

...Молодой человек небольшого роста, прекрасной наружности, с выразительным взглядом, весьма добрых, прекрасных темно-карих глаз...

Глинка... поклонился своим выразительным... почти-тельным манером и сел за рояль. Можно себе представить, но описать мудрено мое удивление и мой восторг! Я никогда ничего подобного не слыхала... Такой мягкости и плавности, такой души в звуках, совершенного отсутствия клавишей я ни у кого... не встречала!

У Глинки клавиши пели от прикосновения его маленькой ручки, и издаваемые ими звуки непрерывно лились один за другим, как будто их связывала симпатия. Он так искусно владел инструментом, что до тонкости мог выразить все, что хотел, и мудрено встретить человека, который бы не понял того, что пели клавиши под ловкими пальчиками Глинки.

...В звуках импровизации слышались и народная мелодия, и свойственная только Глинке нежность, и игривая веселость, и задумчивое чувство, и мы слушали ее, боясь пошевелиться, а по окончании оставались долго в чудном забытьи...

А. П. Керн

К урокам пения, музыки, которые брал Глинка в то время у разных учителей, прибавились занятия итальянским языком.

...Пока мы в два месяца, занимаясь ежедневно у Лангера... едва выучились читать и говорить несколько слов, Михаил Иванович уже говорил бегло, быстро, с удивительно милым итальянским произношением, без иностранного акцента.

А. П. Керн

Знакомство с князем Сергеем Григорьевичем Голицыным имело важное влияние на развитие моих музыкальных способностей. Он был милый, веселый, подчас забавный молодой человек — хорошо знал музыку и пел очень приятно прекрасным густым басом. Я был тогда чрезвычайно застенчив; он умел ободрить меня и ввел в общество молодых людей высшего тона. Благодаря его дружескому участию я приобрел много приятных и полезных знакомств. Сам же он умел ловко возбуждать меня к деятельности; писал для меня стихи и охотно исполнял мои сочинения...

...В то время между молодыми людьми высшего круга находился камер-юнкер Евгений Петрович Штерич. Хотя он был elegant в полном смысле этого слова и любил блистать в салонах, однако же отличался редкими душевными качествами. Между прочим, он был хороший музыкант, учился у Мейера и играл опрятно на фортепиане. Я с ним вскоре подружился, и нередко с Сергеем Голицыным... мы посещали его в Павловске, где он жил в летние месяцы. Там представили меня знаменитому нашему поэту Василию Андреевичу Жуковскому. С гр. Вельегорским я был знаком прежде, а в Павловске с ним сблизился, и мы писали, помнится, каждый по канону, пробуя таким образом наши силы в композиции...

...Мы с кн. Голицыным ездили на Черную речку к князю Василию Петровичу Голицыну, который хорошо пел тенором. В конце августа собрались мы, Толстые и другие молодые люди потешить публику серенадой. Репетиции были чрезвычайно занимательны, и у окон дома, где жил кн. Вас. Петр. Голицын, по вечерам толпились слушатели и слушательницы.

В день серенады появились на Черной речке два украшенные фонарями катера, на одном сидели мы, а на другом поместили трубачей кавалергардского полка. На корме приладили маленький фортепьян, на котором

я аккомпанировал и управлял хором... После каждой исполненной нами пьесы раздавались стройные, сильные, величественные звуки труб...

...Об этой серенаде напечатали в «Северной пчеле», и этот первый успех поощрил нас к новым предприятиям подобного рода. Мы дали представление князю Кочубею (тогдашнему президенту государственного совета); нас было около 16 человек... также был полный оркестр, и Карл Мейер играл на фортепьяно. Я, в кисейном белом женском платье и рыжем парике, исполнил роль Донны Анны в интродукции «Дон-Жуана» Моцарта и импровизировал на фортепьяно. В Царском Селе также мы дали еще представление, где произвели мою серенаду и куплеты с хором...

М. И. Глинка

На масленицу в доме Кочубея исполнялись сцены из «Дон-Жуана» (на итальянском языке), все роли исполняли мужчины. Глинка пел партию Донны Анны «в белом пудрмантеле, в женском парике с распущенными волосами, что при его небольшом росте представляло довольно забавную фигуру, но пел он, голосом контральто, очень хорошо. После спектакля состоялся дивертисмент с русскими танцами в мужских и женских крестьянских костюмах... Talbot (англичанин очень высокого роста) был в мужской крестьянской одежде и шел в паре с М. И. Глинкой, который, в противоположность ему, был гораздо меньше его ростом и одет в женскую крестьянскую одежду без маски.

Н. С. Голицын

Летом того же 1828 года Михаил Лукьянович Яковлев — композитор известных русских романсов и хорошо певший баритоном — познакомил меня с бароном Дельвигом, известным нашим поэтом. Я нередко навещал его... Барон Дельвиг переделал для моей музыки

песню «Ах ты, ночь ли, ноченька», и тогда же я написал музыку на слова его же «Дедушка, девицы раз мне говорили...».

...Около этого же времени я часто видался с известнейшим поэтом нашим Александром Сергеевичем Пушкиным (который хаживал и прежде того к нам в пансион к брату своему, воспитывавшемуся со мною в пансионе) и пользовался его знакомством до самой его кончины.

Провел около целого дня с Грибоедовым, автором комедии «Горе от ума». Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую вскоре потом А. С. Пушкин написал романс: «Не пой, волшебница... при мне».

М. И. Глинка

Музыка все больше захватывала думы и время Глинки. Круг друзей и поклонников таланта Глинки расширялся. Его знали как прекрасного исполнителя и сочинителя в Петербурге и в Москве.

...Глинка... говорят, лучше сочиняет, чем играет, хотя он и в последнем очень искусен.

А. Н. Вульф

Обстоятельства мне благоприятствовали: на нашей квартире зала была большая, один из моих знакомых, граф Девьер играл весьма хорошо на скрипке, он был полковым адъютантом Конногвардейского полка, и изредка я мог брать к себе нужное для моих сочинений число духовых инструментов за весьма необременительные кондиции. Недостававшие струнные инструменты равным образом находили мы также хозяйственными распоряжениями. В вокальной части помогал мне Варламов; сам он охотно пел басовые партии, с искреннею готовностью приводил потребное число певчих... для

исполнения хоров. Таким образом я слышал эффект написанного мною.

М. И. Глинка

Поощряемый друзьями, Глинка сочинял все больше и больше. Инструментальные пьесы, романсы русские и на итальянские тексты, русские песни...

Из ранних сочинений Глинки многие стали классикой.

Среди них романсы: «Не искушай меня без нужды» (слова Баратынского), «Бедный певец» (слова Жуковского), «Память сердца» (слова Батюшкова), «Скажи, зачем» (слова С. Голицына), «Не пой, красавица, при мне» (слова Пушкина), «Ах ты, душечка, красна девица» (слова народные), «Что, красотка молодая» (слова Дельвига).

Четыре года прослужил в ведомстве путей сообщения помощник секретаря М. И. Глинка в чине титулярного советника 10-го класса, так и не продвинувшись по службе. В июне 1828 года Глинка, к неудовольствию любящего его отца, подал в отставку, сделался «ско-морухом».

Зато в начале 1829 года вышел в свет «Лирический альбом», изданный М. Глинкою и Н. Павлищевым. В этом альбоме впервые были напечатаны романсы Глинки «Память сердца» и «Скажи, зачем» и сочиненные им танцы котильон и мазурка.

...те, которым посчастливилось наперед слышать все или некоторые из сих пьес, уверены в полном успехе издателей и в лестном приеме их Альбома здешнею публикой.

Из газеты

Ты скажешь, что я теряю драгоценное время. Но что ты хочешь? Я люблю музыку, и ты знаешь, что она —

моя страсть. Быть может, с годами я приду к убеждению, что должен был лучше использовать мой бедный талант, но пока что не могу противиться искушению.

М. И. Глинка — другу С. Т.

1828—1829 годы — счастливое для Глинки время — музицирование в кругу друзей, встречи и беседы с Пушкиным, Грибоедовым, Жуковским, Крыловым, Дельвигом, Вяземским. Счастливых четыре дня в поездке по Финляндии к живописному водопаду Иматра в обществе Дельвигов, А. П. Керн, О. Сомова.

Ямщик наш... певал финские песенки, был в веселом расположении духа и порою разговаривал с нами по-русски...

О. М. Сомов

...покуда перепрягали лошадей, мы заметили, что Михаил Иванович с карандашом в руке и листком бумаги что-то пишет, а его возница перед ним поет какую-то заунывную песню.

А. П. Керн

Эту мелодию много лет спустя использовал Глинка для баллады Финна в опере «Руслан и Людмила».

Тогда же примерно на одном из дружеских вечеров слышал Глинка, как исполнял персидскую песню секретарь персидского принца Хозрева-мирзы...

Этот мотив послужил мне для хора *Ложится в поле мрак ночной* в опере «Руслан и Людмила».

М. И. Глинка

Мечты о путешествии в дальние страны давно занимали мысли Глинки. В поездке за границу надеялся

он расширить свои музыкальные знания, связи. Надеялся он и на поправку здоровья с помощью европейских врачей. Отец, содержавший Глинку, не сразу дал ему согласие на путешествие. Родительское разрешение было получено в феврале 1830 года. Оформлены необходимые бумаги для выезда в Германию и Италию «сроком на три года для излечения». В товарищи пригласил себе Глинка певца придворной капеллы Н. К. Иванова, собиравшегося поехать учиться пению в Италию.

Осмеливаюсь представить, что известный Вашему превосходительству своим талантом и познаниями любитель музыки г. Глинка отправляется в мае с. г. в Италию и предлагает мне свое товарищество, которое для достижения моей цели будет весьма полезно.

Из заявления Н. К. Иванова, поданного директору придворной капеллы Ф. П. Львову

К выполнению намерения Иванова представляется весьма удобный случай, ибо один смоленский помещик Михайло Глинка, титулярный советник в отставке, страстный охотник до музыки, и часть сию весьма знающий, предлагает ему свое товарищество, едет же он, Глинка, в будущем мае из России в Емс взять курс лечения, а оттуда в Неаполь или Милан, в академии учиться вообще музыке.

Ф. П. Львов — министру двора
П. В. Волконскому

«НАЙДУ ЛИ В СЕБЕ СИЛЫ...»

Итак, в пятницу 25 апреля 1830 года я и Иванов выехали из села Новоспасского. Матушка провожала нас до Смоленска. Из Смоленска до Бреста-Литовского сопровождал нас зять мой... Яков Михайлович Соболевский и человек Алексей (скрипач). Это было в начале мая; было холодно, шел снег, я чувствовал усталость после каждого перегона и в первые дни часто останавливался, чтобы полежать и отдохнуть на станциях. Впоследствии дело обошлось, и в Бресте я уже ходил довольно свободно. Здесь мы простились с братцем и Алексеем и... отправились вдвоем в Варшаву. Оттуда в коляске... в Дрезден.

В Дрездене я советовался с доктором *Крейсигом* (такая уж тогда была мода); он определил мне употребление *эмских* и потом *ахенских* вод. Из Дрездена поехали мы в Лейпциг, из Лейпцига до Франкфурта-на-Майне в коляске на долгих, с нами ехал студент... который пел басом. Всякий раз, когда мы останавливались для обеда или ночлега, если встречали фортепьян, пробовали петь вместе: Иванов 1-го, я 2-го тенора, сту-

**Итальянский
возница
(с литографии).**

дент пел басовую партию известных отрывков из опер... и немцы в маленьких городках сходились слушать нас.

Из Франкфурта поехали мы в Майнц, а оттуда на пароходе по Рейну, не доезжая Кобленца, вышли на берег и отправились пешком в Эмс. Тамошние воды в течение трех недель сильно расслабили меня. Мы поехали в Ахен, где в весьма короткое время почувствовал я значительную пользу...

В Ахенском театре была в то время проездом из Парижа группа хороших немецких певцов... *Фиделио* в первый раз мы с Ивановым не поняли, второе же представление довело нас до слез...

М. И. Глинка

Так день за днем, двадцать с лишним лет спустя, восстанавливает Глинка в «Записках» свои дорожные впечатления, вспоминая города, имена, события, которые ярче других отложились в памяти.

Франкфурт, Лозанна, Женева, Милан...

В Милане путешественники остановились недалеко от знаменитого миланского собора.

Вид этого великолепного из белого мрамора сооруженного храма и самого города, прозрачность неба, черноокие миланки с их вуалями (*mantillas*, уцелевшими остатками испанского владычества) приводили меня в неописанный восторг...

М. И. Г л и н к а

В Милане путешественники задержались, чтобы послушать в опере знаменитых певцов и взять уроки музыки у местных учителей. Глинка брал уроки композиции, Иванов — пения. 26 декабря 1830 года открылись оба знаменитых миланских оперных театра: большой La Scala и малый Carcano.

Исполнение мне показалось чем-то волшебным...

...В конце карнавала, наконец, явилась всеми ожидаемая... «Сомнамбула» Беллини. Несмотря на то, что она появилась поздно, невзирая на завистников и недоброжелателей, эта опера произвела огромный эффект. В немногие данные до закрытия театров представления Паста и Рубини, чтобы поддержать своего любимого *maestro*, пели с живейшим восторгом: во 2-м акте сами плакали и заставляли публику подражать им, так что в веселые дни карнавала видно было, как в ложах и креслах беспрестанно утирали слезы... Мы... также проливали обильный ток слез умиления и восторга.

После каждой оперы, возвратясь домой, мы подбирали звуки, чтобы вспомнить слышанные любимые места. В короткое время Иванов довольно удачно пел арии и выходки Рубини из «Анны Болены», впоследствии то же было и с «Сомнамбулой». Я аккомпанировал ему на фортепьяно и, сверх того, очень ловко подражал Пасте, играя на фортепьяно ее арии к великому удивлению и удовольствию хозяйки, соседок и знакомых.

Таким образом время шло довольно приятно, что не

мешало нам, однако же, страдать порядочно в зимние месяцы... Когда мы ложились, надлежало согреть постель жаровнею... отчего мы чувствовали тепло, ложась, но эта приятная теплота скоро исчезала, и к утру постель и одеяло были всегда холодны и сыры...

...Я ожил при появлении чудной итальянской весны, воображение зашевелилось, и я принялся работать. В это время мы уже несколько были известны в Милане, говорили о нас, как о двух... русских маэстро, из которых один поет, а другой играет на фортепьяно. Желая поддержать приобретенную уже некоторую известность, я принялся писать пьесы для фортепьяно, для пения еще не осмелился начать, потому что по справедливости не мог еще считать себя вполне знакомым со всеми тонкостями искусства...

Я с удовольствием вспоминаю об этом периоде времени. Весною любил я после завтрака ходить за город, и хотя окрестности Милана плоски, однако ж чрезвычайно возделаны и растительность роскошно хороша в апреле и мае...

М. И. Глинка

В сентябре Глинка и Иванов продолжили своё путешествие, решив отправиться в Неаполь.

Путь их проходил через Турин, Геную, Рим. В Риме они пробыли около двух недель.

В то время жила там княгиня Зенеида Волконская, в качестве наставника при сыне ее был Шевырев, известный теперь профессор Московского университета, с которым я познакомился в 1828 году в Москве, у Мельгунова. Он в продолжение моего пребывания в Риме был моим *cicerone* (проводником) и показал мне все достопримечательности с объяснениями...

В конце октября в дилижансе мы поехали в Неаполь; на этом пути меня восхищали в особенности паль-

мы в *Террачине* и кактусы между *Itri* и *Fondi*. Вообще эти места припомнили мне первые понятия детства об отдаленных тропических странах, именно об *Африке*. Мы прибыли в Неаполь 1 ноября утром. Я был в полном восторге и долго не мог налюбоваться необыкновенною, величественною красотою местоположения: прозрачность воздуха, ясный праздничный свет, — все это было для меня ново и восхитительно прекрасно. От отражения солнца в заливе, как в зеркале, *Капри...* и отдаленные горы *Сорренто* казались в ясную погоду полупрозрачными, подобно опалам...

...Сочинял ли я что в Неаполе? — не помню...

...У Иванова было рекомендательное письмо... к знаменитому учителю пения *Nozzari*. Он взялся учить Иванова безденежно, несмотря на то, что скупость едва ли не господствующая страсть у теперешних итальянцев...

...Моим... любимым театром в Неаполе был маленький театр S — *Carlino*. Актеры там были превосходные.

В Неаполе я встретился с Карлом Брюлловым. Там же познакомился с *Беллини*; у *Доницетти* был только один раз...

М. И. Глинка

В Неаполе вскоре Глинка почувствовал себя скверно.

В октябре и ноябре 1831 года он пишет из Неаполя Шевыреву:

Неаполь, несмотря на чудесную красоту местоположения, мне *antipatico* — отчасти по некоторому сходству с ненавистным мне Петербургом, отчасти потому, что я в нем нахожу мало итальянского... Здесь я снова начинаю погружаться в равнодушие ко всему, даже к прелестям самой природы.

...не знаю почему, но все кажется, что я в Петербурге. Стройный вид чисто окрашенных домов, множе-

ство мундиров (к которым глаз мой никак не хочет привыкнуть) сильно напоминают ненавистную для меня северную столицу нашу, где я страдал столько времени. В продолжении моего путешествия я не встречал места, которое бы для меня было противнее Неаполя. Невежество и этикет — вот характеристика здешнего и иностранного общества.

Шевыреву пишет о Глинке из Москвы Мельгунов:

Это славный, чудный малый. Душа его, как полный аккорд, не может жить без созвучий. Как жаль, что вы недолго прожили вместе. Ты был бы ему полезной, надежной опорой. Из немногих строк его ко мне я вижу, что он еще подвержен припадкам хандры, которая может сгубить его пуще болезни. Он, как и все люди, у которых чувство берет верх над всеми другими силами, должен жить чужим умом. Об этом я не раз говорил ему...

В декабре 1831 года в петербургской газете появляется заметка о выходе в свет «Лирического альбома» на 1832 год:

«В сем альбоме... будут помещены многие пьесы для пения и для фортепьяно известных публике наших любителей музыки: графа М. Ю. Виельгорского, М. И. Глинки... князя В. С. Голицына... Г. Беллини и некоторых других».

Пребывание в Неаполе плохо сказалось на здоровье Глинки. Он решил уехать в Милан. Там ему было гораздо лучше. Расставшись с Ивановым, Глинка возвратился в марте 1832 года в Милан, где прежние знакомые окружили его вниманием. Проходящие, встречая его, останавливались и, как вспоминает Н. Мельгунов, «со всею живостью итальянцев говорили друг другу,

сопровождая слова жестами: смотрите, смотрите, вот русский maestro. Действительно, наш maestro был уже народен в Милане; его сочинения играли и пели почти на всех концертах».

Осенью 1832 года Глинка встретился в Милане с Ф. М. Толстым. В серьезных, задушевных беседах провели они вместе десять дней. Позднее в воспоминаниях Толстой рассказывал:

Глинка тогда «развивал подробно план задуманной им большой пятиактной национальной оперы, задуманный сюжет был вполне национальный с сильно патриотическим оттенком и довольно мрачный... он уже играл... тему «как мать убили» и указывал с любовью на контрапункт «Все про птенчика мой Ваня...». О словах в то время и речи не было, но мысль разукрасить простую народную мелодию всеми ухищрениями, как он выражался, музыкальной премудрости вполне уже созрела в голове Глинки».

С Глинкой я ел рябчиков всю осень... Кстати о Глинке, он кланяется всем вам. Стал воображать, что он выздоравливает, и сильно занимается музыкой. Его печатные сочинения здесь высоко ставят, и у него много прожектов о музыке по возвращении. Не мешало бы вам потрубить о нем в журналах. Мне Риккорди говорил, что считает Глинку наравне с Беллини и Доницетти, но *ученее* их в контрапункте. Трубите, ибо ему будет полезно впредь, а нашим ушам сладко.

С. А. Соболевский
в письме к С. П. Шевыреву

Глинка по-прежнему много музицировал, сочинял для местных певцов, ходил в оперу, встречался с известными музыкантами, сблизился с Беллини.

Шли дни, месяцы... Болезни все донимали Глинку. Он переезжал из города в город, надеясь на то, что смена обстановки, климата поправит здоровье. Из многих городов понравилась ему тогда Венеция. Узнав, что сестра его Наталия Ивановна с мужем поехала в Берлин, Глинка в июле 1833 года покинул Италию, чтобы встретиться с родными.

Не лишним считаю вывести здесь краткий итог приобретенного мною в мое пребывание в Италии. Страдал я много; но много было отрадных и истинно поэтических минут. Частое обращение с второклассными, первоклассными певцами и певицами, любителями и любительницами пения практически познакомило меня с капризным и трудным искусством управлять голосом и ловко писать для него...

Мои занятия в композиции считаю менее успешными. Немалого труда стоило мне подделываться под итальянское *sentimento brillante* (блестящее, эффектное выражение чувства), как они называют ощущение благосостояния, которое есть следствие организма, счастливо устроенного под влиянием благодетельного южного солнца. Мы, жители Севера, чувствуем иначе, впечатления или нас вовсе не трогают, или глубоко западают в душу. У нас или неистовая веселость, или горькие слезы. Любовь, это восхитительное чувство, животворящее вселенную, у нас всегда соединена с грустью. Нет сомнения, что наша русская заунывная песня есть дитя Севера, а может быть, несколько передана нам жителями Востока, их песни также заунывны, даже в счастливой Андалузии...

Но обращаюсь к предмету: весной и первую половину лета 1833 года страдания не допускали меня работать. Я не писал, но много соображал. Все написанные мною в угождение жителей Милана пьесы, изданные весьма опрятно *Giovanni Ricordi*, убедили меня только

в том, что я шел не своим путем и что я *искренно* не мог быть итальянцем.

Тоска по отчизне навела меня постепенно на мысль писать по-русски.

М. И. Глинка

Направляясь в Берлин, Глинка провел некоторое время в Вене, потом в Бадене, надеясь на помощь тамошних врачей. Однако нездоровье продолжало угнетать его.

Я ожил душою при свидании с сестрою и зятем... Приехав в Берлин, сначала поселился я с сестрою и зятем... Впоследствии занял особенную, в том же доме... подобную им квартиру. Через несколько времени по приезде я встретился с учителем пения *Тешнером*, которого знал еще в Милане...

...Тешнеру обязан я знакомством с Зигфридом *Деном*: он теперь *custos* (хранитель) музыкального отделения Королевской библиотеки в Берлине, и я у него учился около 5 месяцев... Он привел в порядок мои теоретические сведения и собственноручно написал мне *науку гармонии*, или *генерал-бас*, *науку мелодии*, или *контрапункт* и *инструментовку*, — все это в четырех маленьких тетрадках. Я хотел отдать их напечатать, но Ден не изъявил на то согласия.

Нет сомнения, что *Дену* обязан я более всех других моих *maestro*; он, будучи *рецензентом* музыкальной лейпцигской газеты, не только привел в порядок мои познания, но и идеи об искусстве вообще, и с его лекций я начал работать не ощупью, а с сознанием...

Кроме уроков Дена... я отчасти занимался сочинением. Написал два романа: *Дубрава шумит* (Жуковского) и *Не говори, любовь пройдет* (Дельвига); вариации на тему *Соловей* Алябьева, для фортепьяно также *pot-pourri* (попурри) на несколько русских

тем в 4 руки... Также этюду увертюры-симфонии на *круговую* (русскую тему), которая, впрочем, была разработана по-немецки...

Мысль о национальной музыке (не говорю еще об оперной) более и более прояснялась, я сочинил тему *Как мать убили* (песнь сироты...) и первую тему *allegro* увертюры. Должно заметить, что я в молодости, т. е. вскоре по выпуске из пансиона, много работал на русские темы...

М. И. Глинка

В январе 1834 года Глинка писал из Берлина другу:

...В последний раз я писал тебе из Италии... Я оставил эту милую страну без особого сожаления... Это веселая, оживленная, шумная жизнь, наконец, надоела мне. В этом виноват я сам, я слишком разборчив на счастье: по правде тебе сказать и отложивши скромность в сторону, я встретил там людей, которых очень люблю, и получил самые лестные знаки внимания, какие только артист может получить...

...Я долго здесь не останусь... У меня есть проект в голове, идея... может быть, теперь не время признаться во всем; быть может, если б я тебе все рассказал, то на твоём лице выразилось бы недоверие...

Признаться ли тебе?.. Мне кажется, что и я тоже мог бы дать на нашем театре сочинение больших размеров...

Что ты на это скажешь?

Главное состоит в выборе сюжета. Во всяком случае, он будет совершенно национальный. И не только сюжет, но и музыка: я хочу, чтобы мои дорогие соотечественники были тут как у себя дома и чтобы за границей меня не принимали за выскочку, за гордеца, рядящегося как ворона в павлиньи перья.

...Кто знает, найду ли я в себе силы и талант, необходимые для выполнения обещания, которое я дал самому себе!

В марте 1834 года Глинка узнал о смерти отца.

Это известие поразило меня тем более, что хотя и писали, что отец был болен, но в таких терминах, что я никак не мыслил об опасности.

М. И. Глинка

В начале апреля 1834 года Глинка с сестрой и зятем выехали из Берлина на родину.

КТО РУССКИЙ ПО СЕРДЦУ

И вот Глинка снова наконец дома, в Новоспасском. Больше месяца прожил он в деревне, утешая мать, ведя «жизнь тихую и приятную».

В июне поехал в Москву повидаться с другом юности Мельгуновым. Мельгунов с первых дней их дружбы верил в особый дар Глинки, заботился о том, чтобы его музыку знали и любили соотечественники, издавал альбомы его сочинений, писал о нем статьи.

В газете «Молва» появилась тогда (без подписи) статья Мельгунова о музыке Глинки.

Вы знаете музыку и песни Дельвига: «Ах ты, ночь ли, ноченька» или «Дедушка, девицы»; вы помните музыкальный альбом, изданный в Петербурге лет пять тому назад: вы, может, слышали «Испанский романс», или: «Ах, ты душечка!» и пр. и пр. Не правда ли, вы восхищались этой музыкой? Порадуйтесь же! Глинка, автор этой музыки, этих романсов, недавно приехал в Москву... и на днях играл перед некоторыми знакомыми и любителями две большие пьесы для фортепьяно с

квнтетом, написанные и изданные им в Италии. Не смеем с первого раза произвести решительного суждения о музыкальных произведениях г. Глинки; но нам кажется, что в них соединены, по-видимому, разнородные качества современной музыки: блеск, мелодия и контрапункт, и соединены так, что составляют одно нераздельно-целое и высоко-оригинальное. Музыку Глинки можно узнать по восьми первым тактам. И эта оригинальность заключается в невыразимой грации его мелодий и в ясности, так сказать — прозрачности его стиля!

Далее сообщается о скором выходе в свет песен и романсов Глинки в издании «исключительно г. Мельгунова», первая тетрадь которых выйдет к сентябрю.

Я издаю романсы Глинки. Две тетради вышли и продаются... Рекомендуйте встречному и поперечному.

Н. А. Мельгунов — Я. М. Неверову

В Москве Глинка много музицировал, встречался с друзьями, «время... провел очень весело». А мысль о сочинении оперы по-прежнему не оставляла его.

Из Москвы он вернулся в Новоспасское в июле, снова собрался за границу, чтобы закончить лечение, но смерть брата задержала его в Петербурге. Там он и провел зиму 1834/35 года. Несмотря на то, что его по-прежнему мучило нездоровье, это было счастливое для Глинки время. Он был влюблен. Дома у него собирались друзья, музицировали.

Приятель мой, огромного роста капитан... любитель музыки, певший приятно басом и сочинивший несколько романсов, привел мне однажды маленького человечка в голубом сюртуке и красном жилете, который гово-

**М. Глинка
на вечере
у Стунеевых.**

рил пискливым сопрано. Когда он сел за фортепьяно, оказалось, что этот маленький человек был очень бойкий фортепьянист, а впоследствии весьма талантливый композитор — **Алекеандр Сергеевич Даргомыжский.**

М. И. Глинка

Много играли мы с ним в четыре руки, разбирали симфонии Бетховена и увертюры Мендельсона в партитурах.

А. С. Даргомыжский

Весной 1835 года, получив благословение матери, Глинка женился на дальней родственнице мужа своей сестры шестнадцатилетней Марии Петровне Ивановой.

Теперь новость за новостью: Мишель Глинка женился на девице Ивановой, юной особе без состояния и воспитания, далеко не красивой и которая вдобавок ненавидит музыку.

О. С. Павлищева

Рассказывая о венчании Глинки, П. А. Степанов с огорчением замечает:

Между прочим он (священник) говорил: Михаил Иванович, ваша жена так молода; это едва распустившийся цветок, берегите ее; холодное дуновение или излишний жар могут погубить ее. Жаль, что он ничего не сказал вроде этого Марье Петровне.

Я жил тогда домоседом... несмотря на это, однако же, постоянно посещал вечера В. А. Жуковского. Он жил в Зимнем дворце, и у него еженедельно собиралось избранное общество, состоявшее из поэтов, литераторов и вообще людей, доступных изящному. Назову здесь некоторых: А. С. Пушкин, князь Вяземский, Гоголь, Плетнев — были постоянными посетителями. Гоголь при мне читал свою «Женитьбу». Князь Одоевский, Вельегорский и другие бывали также нередко. Иногда вместо чтения пели, играли на фортепьяно...

М. И. Глинка

Ф. М. Толстой вспоминает о том, как, написав одноактную оперу, которую приняли при дворе и должны были ставить, он решил посоветоваться с Глинкой.

Глинка внимательно просмотрел партитуру и произнес следующие навеки памятные для меня слова: с подобными *пустячками*... нашему брату, русскому композитору, выступать перед публикой не следует. Нам предстоит задача серьезная. *Выработать собственный*

стиль и проложить для оперной русской музыки новую дорогу.

Пушкин, Гоголь, Жуковский, Одоевский заняты были мыслями об исторической судьбе России, ее народа, о самобытности ее языка, литературы, музыки. Желание Глинки «приняться за Русскую оперу» они встретили радостно и поддерживали его, и защищали потом Глинку от тех, кто не понимал его.

Жуковский предложил Глинке сюжет «Ивана Сусанина». С юности, с тех пор как появилась на свет дума Рылеева «Иван Сусанин», в памяти Глинки жил рассказ о героической гибели Сусанина.

Сцена в лесу глубоко врезалась в моем воображении, я находил в ней много оригинального, характерно русского...

М. И. Глинка

В. В. Стасов, размышляя о том, откуда взяла свое начало опера Глинки «Иван Сусанин», вспоминает более ранний период в жизни Глинки — его поездку в Москву осенью 1826 года, когда там Пушкин у Веневитинова, у Вяземского, у Соболевского читал в кругу друзей только что написанную трагедию «Борис Годунов».

Что развивается в трагедии? Какая цель ее? Человек и народ — судьба человеческая, судьба народная.

А. С. Пушкин

Кто знает, может быть, эти энтузиастные дни и часы, проведенные в восторгах целой толпы московских интеллигентных людей, и Глинки с ними вместе, перед «Борисом Годуновым», были первою и таинственною причиною зарождения мысли о «Жизни за царя»?!

метьте даже, как эпохи близки: в драме — *конец* царя Бориса; в опере *начало* царя Михаила. Да, может быть, Пушкин был *отцом* и «Жизни за царя», как был отцом «Мертвых душ» и «Ревизора», хотя собственно Жуковский указал на сюжет...

В. В. Стасов

Были в жизни Глинки и другие дни и часы — его детство, 1812—1813 годы, приход врага в родное Новоспасское, рассказы о подвиге первого учителя Глинки местного священника и о подвигах других его земляков. Острые впечатления тех дней не уходили из памяти...

Мысль написать оперу «Иван Сусанин» несказанно обрадовала и воодушевила Глинку.

В. Ф. Одоевский в письме к В. В. Стасову рассказывает о том, как Глинка привез ему «Связку отдельных нотных листов... То был зародыш «Ивана Сусанина»... Большая часть оперы была написана прежде слов... Первая мысль Глинки была написать не оперу, а нечто вроде картины, как говорил он, или сценической оратории».

Всякое утро сидел я за столом и писал по шесть страниц мелкой партитуры... По вечерам, сидя на софе, в кругу семейства и иногда немногих искренних приятелей, я мало принимал участия во всем меня окружавшем; я весь был погружен в труд, и хотя уже много было написано, оставалось еще многое соображать, и эти соображения требовали немало внимания.

М. И. Глинка

....Друг за другом идут в молчанье сарматы;
Все дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес;
Все глуше и диче становится лес!

И вдруг пропадает тропинка пред ними;
И сосны и ели, ветвями густыми,

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще настороже тревожное ухо:
Все в том захоластье и мертво и глухо...
«Куда ты завел нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно!» — Сусанин сказал...

«Злодей! — закричали враги, закипев. —
Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же! — сарматы герою вскричали,
И сабли над старцем, свистя, засверкали. —
Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!..

Всю эту сцену, прежде чем я начал писать, я часто с чувством читал вслух и так живо переносился в положение моего героя, что волосы у самого меня становились дыбом и мороз подирал по коже...

М. И. Глинка

Глинка разработал подробный план оперы, определил действующих лиц и сочинял музыку, не дожидаясь текстов.

...Как бы по волшебному действию вдруг создался и план целой оперы, и мысль противопоставить Русской музыке — польскую; наконец многие темы и даже по-

шую иногда самых странных размеров: барон Розен был на это молодец; закажешь, бывало, столько-то стихов такого-то размера, двух-трехсложного и даже небывалого, ему все равно — придешь через день, уж и готово. Жуковский и другие в насмешку говорили, что у Розена по карманам были разложены вперед уже заготовленные стихи.

М. И. Г л и н к а

Одоевский рассказывает, что он «брал мелодию Глинки, одноголосную, и, соображаясь с его намерениями, выставлял ударения на нотах, стараясь дать метру какой-нибудь возможный образ. По этим метрам и по данной мысли, выраженной музыкой, Розен написал большую часть стихов».

Глинка в первоначальном плане назвал «Ивана Сусанина» «отечественной героико-трагической оперой».

Начал оперу он мужским хором, прославляющим подвиг Сусанина.

«Страха не страшусь, смерти не боюсь...»

Для заключительного хора в последней сцене, написанной Жуковским, Глинка добавил несколько своих строк:

*Славься, славься, святая Русь!
Ты претерпела до конца!
Ты верой своей спасена!
Слава Руси, слава!
Славься, матушка Москва.*

По черновикам видно, как упорно боролся Глинка за этот высокий смысл оперы, как коробила его фальшь, подделка под народность в тексте, сочиненном Розеном.

Легенда о Иване Сусанине прекрасный сюжет для драмы. Что может быть выше того — отдать жизнь за отечество! Но, к несчастью, глупый либреттист слишком постарался и испортил текст слишком частыми выходками *ложного, квасного* патриотизма. Исправить это следует непременно, иначе гениальная опера... будет обречена на забвение.

В. П. Энгельгардт

О том, каков был Глинка в то время, в тот год, мы узнаем из воспоминаний его современников.

Когда (IX) симфония (Бетховена) впервые исполнялась в Петербурге (Филармоническое общество, 7 марта 1836 г.), я встретил на репетиции знаменитого композитора Глинку. Мы сидели на ступенях около окон зала Энгельгардта, выходящих на Невский проспект, с его непрерывно приливающим и отливающим людским потоком. После аллегро Глинка сказал: «Сядем ниже, так будет пристойнее», и он сел на зеленое сукно, которым были покрыты ступени... Во время скерцо Глинка воскликнул, закрыв лицо руками: «С этим ничто не может сравниться! О! Это невозможно!» Он плакал, я понял, что большего артиста я бы не мог иметь подле себя.

В. Ф. Ленц

Светлый ум, выражением которого было проникнуто лицо Михаила Ивановича, доброта и прямотушие, соединенные с поэтической, юношескою восторженностью, заключали в себе какую-то непреодолимую привлекательность. При втором или третьем моем посещении Михаила Ивановича мы уже беседовали с ним как давние знакомые. Он говорил со мною о создании той своей оперы, которой суждено было увековечить его имя; говорил с жаром, с любовью отца, беседующего о

любимом своем детище, но, с тем вместе, и со скромностью — всегдашней спутницей истинного, великого таланта. Принадлежа к числу немногих лиц, особенно близких Михаилу Ивановичу, я слышал неоднократно исполнение им отрывков... на фортепьяно — исполнение истинно мастерское, неподражаемое и, с тем вместе, в высшей степени оригинальное. Игре своей на фортепьяно он вторил чрезвычайно удачным аккомпанементом голоса, подражая духовым инструментам, трубам, даже литаврам и барабанам. Эта игра была, так сказать, конспектом целого оркестра, моделью, дававшей, при малых своих размерах, точное понятие о колоссальном произведении, которое создавал тогда наш незабвенный Глинка.

Видимо, довольный впечатлением, производимым на нас, свидетелей, он в то же время с признательностью принимал совет каждого из нас, искренних его доброжелателей, и следовал ему, если же отклонял таковой, то высказывал причины уважительные, основательные — без малейшей тени заносчивости, свойственной многим даровитым художникам...

...В Глинке не только никогда не было пустого чванства и стремлений к аристократии, но даже и самолюбие его далеко не соответствовало его гению: он даже и тем не гордился... Благоволения аристократии он не заискивал, и потому его романсы мало распевались в великосветских салонах, подобно произведениям второстепенных композиторов, которые не могут быть и сравнимы с Глинкою.

Л. А. Гейденрейх

По музыке у нас готовится истинное чудо. Это музыка М. Глинки «Ив. Сусанин»; необыкновенно русская музыка, необыкновенно занимательная.

Н. В. Кукольник

Работа композитора над оперой близилась к концу. Отдельные номера ее Глинка показывал друзьям, музыкантам, певцам. К новому году опера была написана полностью. Услышать ее в исполнении певцов, хора, оркестра пока было невозможно. Глинка разучивал со знакомыми певцами и крепостными музыкантами из оркестра князя Юсупова арии и отрывки. Вот как вспоминает об этом известная русская певица А. Я. Петрова-Воробьева:

...После обычных представлений Глинка сел за рояль и пропел романс Антонида «Не о том скорблю, подруженьки» и этим с первого раза совсем меня покори́л... После романса он попросил Степанову посмотреть с ним начало первой арии; оно мне показалось очень ново, оригинально и совсем в русском духе. После арии Глинка обратился ко мне со следующими словами: «М-лле Воробьева, я должен вам признаться, что я враг итальянской музыки; я слышу в ней на каждом шагу фальшь; и, потому, по приезде в Петербург, я ни разу не был в русской опере, хотя знаю, что вы недавно поставили «Семирамиду» с большим успехом. Я ото всех слышу, что у вас настоящий контральт и что у вас бездна чувства. Ввиду этого — песенку из моей оперы, которую я принес, я попрошу вас петь без всякого чувства... Я это объясню вам, Анна Яковлевна, тем, что Ваня — сиротка, живущий у Сусанина, сидит в избе один, за какую-нибудь легкую работой, и напевает про себя песенку, не придавая никакого значения словам, а обращая более внимания на свою работу...

Глинка приносил певцам отдельные номера оперы: и мы исподволь разучивали наши роли под его руководством. Он чрезвычайно ясно и кратко объяснял, чего бы он желал от исполнителей: говорить он был большой мастер и иногда в двух-трех словах выразит, что он хочет.

Одна из первых оркестровых репетиций состоялась в доме князя Юсупова 1 февраля 1836 года.

Увертюру и первые номера оперы музыканты играли и слушали музыку очень внимательно; но когда стали играть хор гребцов, в котором оркестровка струнных инструментов так натурально изображает игру нескольких балалаек, то музыканты пришли в неописанный восторг, что и выразили автору единодушными аплодисментами; краковяк произвел тоже сильное впечатление... Признаюсь, что это одобрение меня более удовлетворило, нежели все изъявления удовольствия публики.

А. Петрова-Воробьева

Оркестр, хотя плохой, исполнил, однако же, довольно хорошо; управлял им *Иоганнис*... Хоров (и певческих партий) не исполняли, а кое-где пел я, Бартенева и Волков; несмотря на это, эффект инструментовки оказался удовлетворительным.

М. И. Глинка

Весной 1836 года начались хлопоты о постановке оперы на сцене. Граф М. Ю. Виельгорский устроил в своем доме репетицию первого акта оперы и пригласил на нее директора придворных театров Гедеонова.

...Надлежало добиться приятия моей оперы на сцену. Меня уверяли, что капельмейстер *Катерина Альбертович Кавос*, написавший когда-то, и удачно, музыку на оперу *Иван Сусанин*, сильно интриговал противу меня. Время обнаружило противное, он более всех других убеждал директора поставить мою оперу, а впоследствии вел репетиции усердно и честно. Наконец, обязали меня подпискою не требовать за оперу никакого вознаграждения...

М. И. Глинка

Чтобы получить высшее разрешение на постановку оперы, друзья посоветовали композитору посвятить оперу Николаю I. Царь отнесся к этому благосклонно, но по его желанию опере было дано название «Жизнь за царя». Под этим названием опера шла до Великой Октябрьской революции.

Премьера была назначена на день открытия Большого театра, который отстраивался в то время после пожара. В эти трудные для композитора дни Жуковский, Одоевский, Виельгорский, Пушкин, Соболевский были рядом.

Жуковский... дал мне однажды фантазию «Ночной смотр», только что им написанный. К вечеру она уже была готова.

М. И. Глинка

Жуковский будет в пятницу в 9 часов — надеюсь, что и ты наведишь меня и немало обяжешь, если возьмешь на себя труд пригласить от моего имени Пушкина...

М. И. Глинка — С. А. Соболевскому

Музыкант Глинка... зовет нас к себе в пятницу а' 9 heures.

С. А. Соболевский — А. С. Пушкину

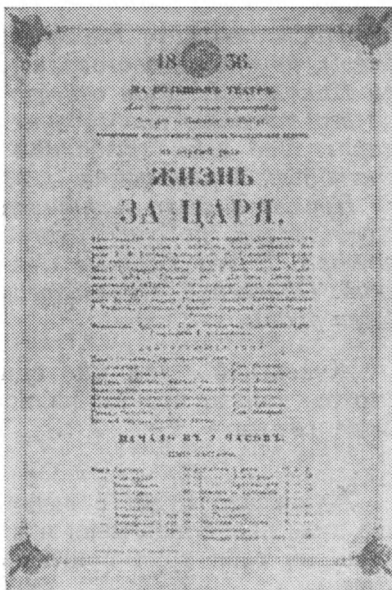
Встреча состоялась. Знаменитую теперь пьесу для голоса и фортепьяно «Ночной смотр» Глинка пел впервые для Пушкина, Жуковского, Соболевского.

Осенью 1836 года репетиции оперы перенесли на сцену Большого театра.

В это время отделявали ложи, прибавляли канделябры и другие украшения, так что несколько сот молотков часто заглушали капельмейстера и артистов.

М. И. Глинка

**Программа
первого
представления
оперы
«Иван Сусанин».**

Глинка наружно высказывал ко всему этому и другому многому большое хладнокровие, но внутренне он глубоко огорчился таким пренебрежением и к искусству вообще, и к нему лично. Он полагал, что при таких условиях «Жизнь за царя» не выдержит и трех представлений. Я радовался его твердости и железному терпению и замечал, что ему, как Ване, предстоит «В крепкой правде послужить».

В. Ф. Одоевский

И вот наконец настал день премьеры.

Н. А. Мельгунов написал к премьере статью, но Глинка посчитал ее слишком хвалебной и просил не публиковать. Статья увидела свет в 1874 году.

Выразить во всех родах музыки, особенно в опере, лирическую сторону народного характера русских — вот задача, которую принял на себя Глинка. Он понял иначе значение слова: русская музыка, русская опера, чем его предшественники. Он не ограничился, более или менее, близким подражанием народному напеву: нет, он изучил глубоко состав русских песен, самое исполнение их народом... он открыл целую систему русской мелодии и гармонии, почерпнутой в самой народной музыке (и не сходную ни с одною из предыдущих школ). Его первый большой опыт, его опера «Иван Сусанин», докажет, до какой степени он выполнил мысль и мечту свою.

Н. А. Мельгунов

Невозможно изобразить словами, какое громадное, подавляющее, так сказать, впечатление произвела на присутствующих эта задушевная музыка, эти родные, как бы знакомые, присущие всем и каждому из нас звуки, но облеченные, изукрашенные всеми прелестями гармонии и контрапункта. В буквальном смысле слова, мы плакали как дети и поздравляли друг друга с зачатием новой зари для отечественного искусства...

Ф. М. Толстой

Как передать тот восторг, которым маэстро наполнил сердца любителей искусств, всех тех, которые поняли важный его подвиг... Глинка... глубоко вникнул в характер нашей народной музыки, подметил все ее особенности, изучил, усвоил ее — и потом дал полную свободу собственной фантазии, которая приняла образы чисто русские, родные... в его опере нет ни одного заимствованного мотива; но они все ясны, понятны, знакомы нам потому только, что дышат чистою народностью, что в них мы слышим родные звуки...

Я. М. Неверов

...Вчерашний вечер свершились наконец желания мои, и долгий труд мой был увенчан самым блистательнейшим успехом. Публика приняла мою оперу с необыкновенным энтузиазмом, актеры выходили из себя от восторга...

М. И. Глинка

Опера Глинки имела чудный успех (вызывали 5 раз).

В. Ф. Одоевский

...успех оперы был совершенный, я был в чад.

М. И. Глинка

Помню хорошо то колебание, тот разлад, которые появление ее (оперы) произвели в петербургском аристократическом мире и в тогдашней публике.

М. Н. Логинов

Некоторые из аристократов, говоря о моей опере, выразились с презрением: *C'est la musique des cochers*. (Это кучерская музыка.) Это хорошо и даже верно, ибо кучера, по-моему, дельнее господ.

М. И. Глинка

...Глинка охотно знакомился с людьми, которых умственные и нравственные качества ему нравились; он не принимал в соображение: титулованы они или вовсе не имеют дворянского диплома.

П. А. Степанов

Свету она (опера) не понравилась, говорили, что она скучна.

...Я Вам скажу в качестве любителя и человека, живущего гармонией, что это прекрасно. Во-первых,

инструментовка превосходна, каждый инструмент использован наивыгоднейшим образом... Затем — вокальные ансамбли, арии баса, тенора и контральто, особенно последняя так трогательна, что нельзя их слушать без слез.

К. А. Булгаков

13 декабря 1836 года в доме восторженных почитателей Глинки — братьев Всеволожских друзья устроили чествование Глинки — Мих. Ю. Виельгорский, Вяземский, Жуковский, Пушкин по очереди вставали за столом и читали сочиненные ими куплеты шуточного канона. Вскоре В. Ф. Одоевский сочинил к ним музыку, и канон был напечатан.

Пой в восторге русский хор,
Вышла новая новинка,
Веселися, Русь! Наш Глинка —
Уж не Глинка, уж не Глинка — а фарфор!

Виельгорский

* * *

За прекрасную новинку
Славить будет глас молвы
Нашего Орфея — Глинку
От Неглинной, от Неглинной — до Невы.

Вяземский

* * *

В честь столь славные новинки
Грянь, труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвейну, глинтвейну стакан!

Жуковский

* * *

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать, топтать, топтать не может в грязь.

Пушкин

...Об энтузиазме, произведенном оперою «Жизнь за царя», и говорить нечего: он понятен и известен уже целой России. Об этой опере надобно говорить много или ничего не говорить... Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов! Покажите мне народ, у которого было бы больше песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Все дорожное: дворянство и не дворянство летит под песни ямщиков... Опера Глинки есть только прекрасное начало. Он счастливо сумел слить в своем творении все славянские музыка: слышишь, где говорит русский и где поляк: у одного дышит раздольный мотив русской песни, у другого опрометчивый мотив польской мазурки.

Н. В. Гоголь

Глинка совершенно изучил и постиг дух нашей гармонии. В его мотивах вы найдете все русское и ни одной русской песни, которую бы вам когда-нибудь случилось слышать... О том, как хороши и удачны хоры польские — и говорить нечего.

М. Ю. Виельгорский

Через шесть лет, 7 сентября 1842 года, состоялось первое представление оперы Глинки в Москве.

М. Глинка
с акварельного
портрета
Н. А. Степанова
(1842 г.).

Сейчас воротились мы... из театра. Я в первый раз видел оперу «Жизнь за царя»... Стыдно мне, что я до сих пор не слышал этой музыки, и досадно, что я лишил себя этого наслаждения. Это именно то, о чем я мечтал; именно то, чего недостает операм Верстовского. Это не русские песни, даже не чисто русские мотивы — это русская музыка, хотя в этих словах мало смысла. Это музыка, в которой каждый звук мне родной, мой; я его слышал, пел или непременно услышу, спою... И такой необыкновенный талант, как Глинка, так мало оценен у нас! Эту оперу в Петербурге приняли с громкими, но официальными рукоплесканиями; все говорили, что она превосходна, но скучна и длинна; немедленно

но начали ее обрезать, а здесь Верстовский святотатственно доконал создание художника. Обрезать развитие музыкальной мысли, по-моему, все равно что обрезать картину, отбить руку или ногу у статуи, выкинуть несколько явлений в комедии Гоголя или оторвать несколько листов из «Мертвых душ»!.. Это просто варварство. Самый эпилог мне очень нравится... Либретто написано дрянно!

С. Т. Аксаков — сыну

...Этою оперою решался вопрос, важный для искусства вообще и для русского искусства в особенности, а именно: существование *русской* оперы, *русской* музыки, наконец, существование вообще *народной* музыки... Композитор глубоко проник в характер русской мелодии, богатый своим талантом, он доказал блистательным опытом, что русская мелодия, естественно то заунывная, то веселая, то удалая, — может быть возведена до трагического стиля...

С оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе, — *новая стихия в искусстве*, и начинается в его истории новый период: *период русской музыки*. Такой подвиг, положи руку на сердце, есть дело не только таланта, но гения!

В. Ф. Одоевский

...все это добро, все это благо и все это есть ручательство и залог прекрасной будущности...

В. Г. Белинский

ЧЕСТЬ В СТРАНЕ РОДНОЙ

Осенью и зимой 1836—1837 года «опера шла лучше и лучше, театр усердно посещали».

М. И. Глинка

Успех оперы, поддержка друзей окрыляли Глинку. Он думал о новой опере, о симфониях — новые замыслы переполняли его голову.

...теперь, после 6 представлений, я решительно могу сказать, что успех далеко превзошел все мои ожидания, и опера моя все более и более нравится публике... — я теперь вполне вознагражден за все труды и страдания и ежели еще не во всех намерениях успел, то надеюсь, что не замедлю достигнуть до прочих моих намерений.

М. И. Глинка — матери,
11 декабря 1836 года

На одном из литературных вечеров сидели Жуковский, Пушкин, Гоголь и другие литераторы. Зашли тол-

ки о русской опере и русских композиторах. Пушкин сказал, что он желал бы видеть оперу лирическую, в которой соединялись бы все чудеса хореографического, музыкального и декоративного искусства.

Со слов А. С. Даргомыжского

Первую мысль о *Руслане и Людмиле* подал мне наш известный комик князь Шаховской.

М. И. Глинка

Ни одно произведение Гюшкина — ни даже сам «Онегин» — не произвело столько шума и криков, как «Руслан и Людмила»: одни видели в ней величайшее создание творческого гения, другие — нарушение всех правил пиитики, оскорбление здравого эстетического вкуса... в то время, когда явилась эта поэма в свет, она действительно должна была показаться необыкновенно великим созданием искусства. Вспомните, что до нее пользовались еще безотчетным уважением и «Душенька» Богдановича, и «Двенадцать спящих дев» Жуковского, каким же удивлением должна была поразить читателей того времени сказочная поэма Пушкина, в которой все было так ново, так оригинально, так обольстительно — и стих, которому подобного дотоле ничего не бывало, стих легкий, звучный, мелодический, гармонический, живой, эластический, и склад речи, и смелость кисти, и яркость красок, и грациозные шалости юной фантазии, и игривое остроумие, и самая вольность нецеломудренных, но тем не менее поэтических картин!.. По всему этому «Руслан и Людмила» такая поэма, появление которой сделало эпоху в истории русской литературы... Юноши двадцатых годов были правы в энтузиазме, с которым они встретили «Руслана и Людмилу».

В. Г. Белинский

На одном из вечеров Жуковского Пушкин, говоря о поэме своей: *Руслан и Людмила*, сказал, что он бы многое переделал: ...я желал узнать у него, какие именно переделки он предполагал сделать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить этого намерения.

М. И. Глинка

...живо, ясно, неизгладимо помню его (Глинку) молодого, красивого, изящного, остроумного... в эпоху «Руслана», когда он в доме моих родителей неоднократно при мне певал. Его фразировка, произношение и чудный голос до сих пор звучат в моей памяти!

В. П. Энгельгардт

Один раз собралось довольно народу; между прочим — ...и юный кн. Кастриото Скандербек, юнкер егерского полка, страстный к музыке, впоследствии сам композитор, и в первый раз удостоившийся видеть и слышать Глинку. Михаил Иванович был в ударе, он пел и с другими и один невыразимо хорошо. Не помню, какой именно романс пел он; но когда кончил, мы увидели, что бедный мальчик Кастриот побледнел и был близок к обмороку: его опрыскивали холодной водой. Не один этот раз, впоследствии, мне случалось быть свидетелем потрясающего действия, которое производило пение Глинки на людей слабонервных.

П. А. Степанов

С друзьями, со всеми, кто жил и дышал музыкой, Глинке было хорошо. Мать, сестры понимали его, разделяли его радости, горести, надежды. С появлением новой семьи — после женитьбы — многое изменилось в жизни музыканта.

Дома мне было не очень хорошо. Жена моя принадлежала к числу тех женщин, для которых наряды, балы, экипажи, лошади, ливреи и проч. были все; музыку понимала она плохо или, лучше сказать, за исключением мелких романсов вовсе не разумела, все высокое и поэтическое также ей было недоступно.

М. И. Глинка

Я никогда не затрагивал в разговорах с Глинкой вопросов о его жене, но раз он сам почему-то рассказал мне, что она, увидя его расстроенного, возвратившегося с исполнения 9-й... симфонии, которая, впервые им услышанная, произвела на него подавляющее действие, спросила его: Миша, что с тобой?.. Ах, Бетховен!.. отвечал он. — Что он тебе сделал?..

М. А. Балакирев

Не выдавший Глинку, слушающего музыку, которая ему нравилась, не может составить себе понятие о впечатлении, какое это слушание производило на посторонних. Каждый звук, каждая нота отражались на его лице, в его глазах, в его движениях, он наслаждался, как никому не дано наслаждаться, и это наслаждение переходило на присутствующих: музыкант сам удивлялся вдохновению, внезапно охватывавшему его под обаятельным влиянием этого чудного слушателя, играл, как никогда ему играть не удавалось, а присутствующие, глядя на Глинку, удивлялись, что произведение, не раз ими слышанное, является перед ними в каком-то новом, совершенно незнакомом для них виде.

В. П. Василько-Петров

В декабре 1836 года Николай I, встретив Глинку за кулисами в театре, сказал ему: «Глинка, я имею к тебе просьбу и надеюсь, что ты не откажешь мне. Мои певчие известны по всей Европе и, следовательно, стоят, что-

бы ты занялся ими». Царь хотел сделать Глинку придворным композитором. Глинка не собирался идти на официальную службу, но, узнав, что директором капеллы должны назначить Матв. Ю. Виельгорского, он дал согласие: «...Мы оба радовались служить вместе и заранее помышляли о возможных улучшениях придворной капеллы».

Высочайше повелено назначить Флигель-адъютанта Львова исправляющим должность директора, а титулярного советника Глинку капельмейстером с жалованьем по 1500 р. и столовых 1000, каковое содержание назначить и инспектору Беликову, если теперь получает менее. 27 декабря 1836 г.

Резолюция на «Записке» министра императорского двора

«...Судьба... подшутила надо мною, — писал Глинка матери, узнав о назначении директором не М. Ю. Виельгорского, а А. Ф. Львова. — По смерти старика Львова заступает его место (то есть место директора) сын его, с которым мы не совсем в ладу».

Но директор принял Глинку «с искренним радушием», и они «решились идти рука об руку на... новом поприще».

Придворная капелла существовала с тех времен, когда царский двор был еще в Москве. В начале XIX века ею руководил знаменитый русский композитор Д. С. Бортнянский, другой известный русский композитор А. Е. Варламов был сначала певчим капеллы, а потом вокальным педагогом.

...Придворная певческая капелла в России — нечто дивное, о чем мы, по отзыву всех итальянских, германских и французских артистов, которые ее слышали, можем составить себе только весьма несовершенное пред-

ставление... хор певчих российского императорского двора выше стоит над всеми хорами, которые существуют ныне где бы то ни было. Он состоит из сотни мужских и детских голосов, которые поют без аккомпанемента. Русская церковь, как вообще восточная церковь, не допускает... ни органа и никаких инструментов. Эти певцы набираются преимущественно в южных провинциях Империи: голоса их имеют превосходный тембр и обширность, особенно в басах, почти невероятную.

Берлиоз

Новый, 1836 год Глинка встречал в доме В. Ф. Одоевского вместе с Пушкиным.

29 января 1837 года Пушкина не стало.

Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как мог ты это допустить? Наш круг редет; пора и нам убраться...

Ф. Ф. Матюшкин — М. Л. Яковлеву,
14 февраля 1837 года

Со 2 января до настоящего времени я был беспрепятственно в делах против чеченцев, и наш отряд не имел связи ни с чем... Эта ужасная новость меня сразила, я, как сумасшедший, не знаю, что делаю и что говорю... Если бы у меня было сто жизней, я все бы их отдал, чтобы выкупить жизнь брата.

Л. С. Пушкин — отцу С. Л. Пушкину,
19 марта 1837 года

...никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собою. Что скажет

он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепет невкушаемого на земле удовольствия обнимал мою душу... Нынешний труд мой, внушенный им, его создание... Я не в силах продолжать его. Несколько раз принимался я за перо — и перо падало из рук моих...

Н. В. Гоголь — П. А. Плетневу,
28 марта из Рима

Трагическая гибель Пушкина потрясла Глинку, как и всех его друзей, как всю Россию. Желание писать «Руслана» горело в нем еще сильнее. Стихи Пушкина были для него тем воздухом, которым дышал он с юности. Поэзия Пушкина сама была музыкой и музыку рождала. Глинка откликнулся на смерть поэта песней Баяна, которую ввел в оперу «Руслан и Людмила» и которую запрещено было высочайшим повелением исполнять при постановке оперы на сцене.

*Есть пустынный край, безотрадный брег
Там на полночи далеко
Солнце летнее на долины там
Сквозь туман глядит без лучей.
Но века пройдут, и на бедный край
Доля дивная низойдет.
Там молодой певец в славу родины
На златых струнах запоет.
И Людмилу нам с ее витязем
От забвения сохранит.
Но недолог срок на земле певцу,
Все бессмертные в небесах!*

«Но прошли века», и высочайший запрет больше не действует. Звучит 2-я песня Баяна во славу великого Пушкина.

...Относительно «Руслана» я знал только некоторые, первоначальные мелодии, которые плодились у Глинки не по дням, а по часам, несколько оркестровых очерков — и только; по обычаю Михаила Ивановича, музыка у него была готова прежде слов; подавляемый... богатством своих музыкальных идей, он роскошно рукою сыпал их на бумагу, где они, кажется, сами собою развивались, цвели и плодились.

В. Ф. Одоевский

В воображении Глинки возникали яркие образы героев пушкинской поэмы. Он старался вплести их судьбы в величественные картины русских народных сказаний о богатырях. Храбрый Руслан, нежная, прекрасная Людмила, благородный Баян, суровый Финн, злой волшебник Черномор и коварная Наина, трусливый Фарлаф и пылкий Ратмир...

Непросто было композитору строить план оперы — поэма-сказка написана Пушкиным не для театра. Не сразу нашелся поэт, чтобы по плану и музыкальным размерам, намеченным Глинкой, написать либретто для оперы. Окончательный вариант текста помогал Глинке делать поэт-любитель В. Ф. Ширков.

Опера «Руслан и Людмила» рождалась долго: начал ее Глинка в 1837 году, а закончил в 1842 году. Он много и увлеченно работал, но сложное положение в семье, работа в придворной капелле отнимали у него силы, отвлекали от главного.

А. Ф. Львов сделал экзамен певчим в капелле, многие из больших певчих, т. е. теноров и басов, оказались весьма плохими.

Когда в первый раз явился я для преподавания с мелом в руке, мало нашлось охотников; большая часть больших певчих стояли поодаль с видом недоверчивым, и даже некоторые из них усмехались. Я, не обращая на

М. Глинка
(рис. И. Репина).

то внимания, принялся за дело так усердно, и, скажу, даже ловко, что после нескольких уроков, все почти большие певчие, даже и такие, у которых были частные и казенные уроки, приходили ко мне на лекции.

М. И. Глинка

Глинка ездил в Украину, чтобы набирать для придворной капеллы детские голоса, эти серафимские голоса, как он выражается... И удивительная, или, по крайней мере, малоизвестная вещь, эти дети одарены такую музыкальною организацею, что он не мог сбить их с толку, играя им на скрипке самые странные интервалы, самые необыкновенные последования звуков, наименее доступные человеческому голосу.

Берлиоз

О подробностях путешествия сообщу изустно, при свидании — вообще оно скучно и трудно, но встречалось кое-что смешное и забавное, и нередко приводило на память Гоголя. В Переяславле я мог бы сыграть роль Ревизора — там ожидали генерал-губернаторского чиновника, и меня приняли за него; сам городничий явился ко мне в полном облачении, но я удовольствовался тем, что нещадно обобрал архиерейский хор...

...Несмотря на все неприятности пути, я благословлял судьбу за это путешествие, оно меня образумило — я буду другой человек — не сумасшедший * автор музыки, а отличный и исправный чиновник. Каждый час я более сдружаюсь с своей должностью, и еще раз повторяю, в скором времени буду знать все требуемое в точности.

М. И. Глинка — Н. В. Кукольникову,
19 июня 1838 год²

В ноябре 1839 года, измученный домашними неурядицами, слухами о неверности жены, утомительной службой в придворной капелле, Глинка подал директору прошение об отставке и принял решение об окончательном разрыве с женой.

В декабре 1839 года Глинка был уволен в отставку.

Это несчастнейшая эпоха в жизни Глинки... Он принялся за дело с душевным рвением... Я наслаждался, слушая плоды его занятий; он всегда говорил, что ему большое наслаждение заниматься этим предметом, ибо уповает на то, что окажет услугу отечеству... но бездарный и завистливый музыкант... А. Ф. Львов, терзаемый своей ничтожностью перед светлым гением Глинки —

* Сам удивляюсь, как мог столь долгое время сносить дерзости Геденова.

не мог переварить своей жизни и начал делать, как начальник, разные пакости Михайле Ивановичу, который был слишком благородных чувств, чтобы все это терпеть, а потому и удалился от своей службы в капелле.

К. А. Булгаков

В продолжении всего 1839 года я за оперу не принимался...

М. И. Глинка

Работа над оперой шла медленно, но музыка жила в Глинке, переполняла его. Она выливалась в разные формы, жанры. В это трудное для композитора и счастливое для нас, потомков, время Глинка сочинил знаменитые пьесы — «Вальс-фантазию» (1839 г.) для фортепьяно, симфонические увертюру и антракты к драме Н. Кукольника «Князь Холмский» (1840 г.). Тогда же, в 1837—1840 годы, родились романсы на стихи Пушкина — «Где наша роза», «Ночной зефир струит эфир», «В крови горит огонь желанья», «Я вас люблю, хоть я бешусь», «Я помню чудное мгновенье».

К этому же времени относятся популярные романсы и песни из цикла «Прощание с Петербургом» (12 пьес на слова Н. Кукольника) — «Сомнение», «Попутная песня», «Прощальная песня», «Жаворонок».

Н. Кукольник преклонялся перед гением Глинки, в его доме Глинка спасался от семейных неурядиц и нашел немало верных друзей и поклонников своего таланта. «По вечерам собирались актеры, литераторы, музыканты, читали, пели, играли», — вспоминает Глинка. Среди них был и великий художник Карл Брюллов. По-своему Глинка был привязан к Н. Кукольникову, однако это не мешало ему воспринимать сочинения Н. Кукольника независимо от приятельских отношений.

...Как я ни ценю дарования Кукольника, но остаюсь при прежнем о нем мнении: он литератор, а не поэт, стих его вообще слишком тяжел и не грациозен после Пушкина, Батюшкова и других...

М. И. Глинка

...Я теперь принимаюсь за альбом... в нем будет 12 пьес моего сочинения, из них готовы уже 10, надеюсь, что и за остальными дело не станет. Эти мелкие, по-видимому, безвредные произведения, однако ж мешают мне продолжать Руслана, и, не скрою от тебя, нередко грущу и задумываюсь, помышляя, что принужден употреблять бедную мою музу средством к существованию.

М. И. Глинка — Н. А. Маркевичу

Альбом в 5 тетрадях — собрание музыкальных пьес, составленное Глинкой на 1839 год, включал романсы, песни и фортепьянные произведения Глинки и других современных композиторов (Алябьева, Верстовского, Даргомыжского, Титова и других). Успех издания позволил дважды повторить его в течение года.

Хотя много появлялось сочинителей, но особенно замечательных талантов не было. С появлением же романсов Михаила Ивановича Глинки и Александра Сергеевича Даргомыжского все мелкие таланты затмились. Глинка и Даргомыжский приобрели неувядаемую славу на музыкальном поприще. Сочинения их отодвинули на задний план все романсы предшественников. Хотя романсы Варламова и мои продолжали еще иметь успех, но они далеко уже отстали в аккомпанементе и разнообразии характеров... Конечно, между многими из старых романсов есть прекрасные мелодии, но отделка бедна, аккомпанемент вообще очень прост, незамысловат и без малейшего варьирования. Мы писали один и тот

же аккомпанемент на все куплеты романса, а они же аккомпанемент разнообразили, придавая каждому куплету особый характер...

Н. А. Титов

Разлад в семье кончился разрывом с женой. Глинка ушел из дому. Друзья поддерживали его, он перебирался с квартиры на квартиру, жил у Н. Кукольника, у художника П. Степанова. С друзьями было легче.

Нынешний год был для меня самый горестный и трудный в моей жизни... В это короткое время я узнал жизнь более, чем в течение всего остального времени, и если большая часть людей, носивших имя родных и друзей, оставили меня, зато я приобрел немногих, но искренно преданных мне доброжелателей.

М. И. Глинка — матери,
24 ноября 1839 года

Мне было гадко у себя дома. Зато сколько жизни и наслаждений с другой стороны. Пламенно поэтические чувства к Е. К., которые она вполне понимала и разделяла...

М. И. Глинка

Е. К. — это дочь А. П. Керн — Екатерина, Катенька, дружившая с сестрой Глинки. Встреча с ней принесла Глинке большую радость и утешение. Чуткость, одухотворенность девушки, ее образованность поразили Глинку. Музыка, составлявшая его жизнь, была близка ее сердцу. Благодаря глубокому, чистому чувству Глинки к Катеньке Керн появились на свет поэтические его творения «Вальс-фантазия» и романс «Я помню чудное мгновенье». История романса удивительна.

Великий Пушкин, взволнованный встречей с А. П. Керн в Михайловском в 1825 году, создал

бессмертное стихотворение. Глинка, испытавший глубокое пламенное чувство к дочери А. П. Керн Катеньке, написал в 1840 году на эти стихи музыку.

Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, «приют задумчивых дриад», с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехавшая туда вслед за нами, сказала: «Мой дорогой Пушкин, окажите честь вашему саду, покажите его г-же Керн». Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться...

На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою А. Н. Вульф. Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр II главы «Онегина», в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: «Я помню чудное мгновенье»...

А. П. Керн

Я все ночи хожу по саду, я говорю: «она была здесь», — камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе... Я пишу много стихов...

А. С. Пушкин,
21 июня 1825 года

Немало страниц в воспоминаниях А. П. Керн посвящены Глинке. Среди них — рассказ о поездке на Иматру в 1829 году, связанный с историей создания оперы «Руслан и Людмила».

Итак, мы поехали к Выборгу, и Глинка сел с Сомовым в тележку. Приехав на одну станцию, мы заметили, что он с карандашом в руке и листком бумаги,

стоя за полуразрушенным сараем, что-то пишет, а его возница перед ним поет какую-то песню. Передавши бумаге, что ему нужно было, он подвел чухонца к нам и заставил его пропеть свою песню. Из этого мурлыканья чухонца Глинка выработал тот самый мотив, который так ласково и грустно звучал в арии Финна в опере «Руслан и Людмила». Надобно было слышать потом, как Глинка играл этот мотив с вариациями и что он сделал из этих нескольких полудиких меланхолических нот! Когда Глинка однажды спел арию Финна в присутствии Сергея Львовича Пушкина, то старик при стихе:

По бороде моей седой
Слеза тяжелая скатилась, —

расплакался и бросился обнимать Глинку; — у всех присутствующих были слезы на глазах... И я не помню выше наслаждения, какое испытала в этот вечер!

А. П. Керн

О работе Глинки над «Русланом» вспоминает художник П. А. Степанов, у которого Глинка жил некоторое время.

С первых же дней переезда Глинка усиленно занялся «Русланом». Обыкновенно в 11-ть часов я уезжал со двора и возвращался в два. Глинка, весь в себе сосредоточенный в творческой работе, ходил по комнатам; я старался пройти, не отвлекая его, и потом всматривался: то он подойдет к фортепиано, возьмет несколько аккордов, спешит в свою комнату и скоро пишет на больших нотных листах, разложенных по его столу; опять ходит, опять записывает, часто без пособия инструмента. Так продолжалось до тех пор, пока совсем стемнеет, и тогда утомленный, он ложился и жа-

ловался на боль и усталость. Обед восстанавливал его силы, и вечером он бывал подчас весел и разговорчив.

Глинка сильно работал. Мне очень хотелось бы описать его, каким он был в то время, так, чтоб никогда не выдавшие его могли бы составить себе о нем ясное понятие. Он был очень небольшого роста, худощавый; бледное овальное лицо окаймлялось круглыми черными бакенбардами; черные прямые волосы обрамляли прекрасный лоб без малейших морщинок; только между бровей шла небольшая морщинка — черта мысли. На правой стороне лба торчал несокрушимый вихор; карие глаза из-под нависших век смотрели приветливо и выразительно; выражали они постоянно доброту, иногда они сверкали веселостью и загорались вдохновением. Голову он держал немного назад, грудь выставлял вперед; ходил, приподымаясь слегка на носки; одевался просто, но опрятно; сюртук и фрак застегивал на все пуговицы.

При встрече с незнакомым или неприятным ему человеком был холоден, шурил глаза и говорил неохотно. С людьми по сердцу — любил поговорить и посмеяться, когда был в духе...

Редко пускался он в разговоры политические и философские, но придерживался больше окружающей сферы воспоминаний и музыки. Тут говорил он с одушевлением и властно.

П. А. Степанов

Странные были отношения Глинки и Брюллова; по-видимому, они были очень дружны, не только не избегали, но искали друг друга. Брюллов восторгался музыкою Глинки; этот благоговел перед живописью первого; но в душе они не любили друг друга. Глинка, вообще не любивший злословить, иногда с горечью отзывался о характере и нравственных недостатках Брюл-

лова; этот, в свою очередь, не упускал случая зло подсмеяться над Глинкой, конечно больше заглазно; но иногда, под веселый час, и в глаза. Не была же это зависть, это невозможно, они шли разными путями, столкновений между ними никаких не было; где же причины? Полагаю, что в психическом их устройстве. У обоих горел огонь гениальности, но между ними была существенная разница; Брюллов жил воображением, умом и расчетом; Глинка жил воображением и чувством. Глинка весь высказывался, его думы и чувства не были затаенными для друзей; Брюллов не всегда говорил то, что думал и чувствовал; Глинка был, как сам он говорил, мимоза; Брюллова — трудно было расшевелить. Часто видал я у Глинки слезы на глазах, у Брюллова же, один только раз в жизни, видел я, как слеза покатилась из глаз.

П. А. Степанов

Однажды за обедом разговор зашел о Брюллове, и кто-то сказал, что у него было сухое сердце.

— Некоторое время я думал то же самое, — отвечал Глинка, — но впоследствии я начал сомневаться в этом. Я часто сходилсЯ с Брюлловым и при нем у Кукольника сказал, что представить меня в карикатуре было невозможно. Брюллов слова мои замотал себе на ус и сделал на мои жесты ряд карикатур, которые заделИ меня за живое. Заметив это, Брюллов так зло стал преследовать меня своими карикатурами, что я совершенно охладел к нему. Но потом, когда его племянница выходила замуж, он приехал ко мне, просил меня съездить с ним... выбрать для него фортепиано, и так хлопотал все хорошо придумать, чтобы подарок доставил племяннице удовольствие, что я невольно подверг сомнению его сухость сердца. Но вот что меня поразило и тронуло. По приезде из Испании я сделал Брюллову визит и просидел с ним довольно долго. При прощании

Брюллов сказал мне: «Ну, я скоро уеду отсюда умирать и тебя, верно, более не увижу. Я часто досаждал тебе; но ты забудь это: я очень хорошо понимал, что изо всех людей, которые здесь меня окружали, только ты один был мне брат по искусству». Я не выдержал, бросился ему на шею, и мы оба прослезились...

М. И. Железнов

В начале февраля 1840 года Глинка уехал с матерью в Новоспасское.

Мы теперь с моим Мишелем не дождемся весны... Вместо успокоения более грустит и тоскует... Ничего не делает, кроме чтения...

Е. А. Глинка — дочери

В начале апреля в Петербурге состоялся музыкальный вечер, «совершенно отличный от концертов нынешнего года: в этом вечере, во-первых, преобладает пение, во-вторых, русское пение, в-третьих, русский композитор М. И. Глинка».

.Из газеты

...Русские спектакли начались с 21 апреля... В Большом театре давали «Жизнь за царя», оперу М. И. Глинки, которую петербургская публика слушает всегда с новым наслаждением...

Из газеты

В конце апреля Глинка уезжает из Новоспасского в Петербург.

«...недолго с нами прожил он, промучился, душа болела и много раз жалела, чего он со мной поехал».

Е. А. Глинка — дочери

В начале мая на вечере у А. Н. Струговщикова «...после ужина Глинка пел отрывки из своей новой оперы: «Руслан и Людмила». Что за очарование! Глинка истинный поэт и художник».

А. В. Никитенко

В начале августа Глинка уезжает из Петербурга в Новоспасское.

Я решился, пробыв здесь несколько недель, снова отправиться в нашу столицу... с твердым намерением как можно скорее окончить нашего Руслана...

М. И. Глинка — В. Ф. Ширкову

Я принялся за работу и в три недели написал интродукцию Руслана...

М. И. Глинка

В середине сентября Глинка уезжает из Новоспасского в Петербург.

В дороге «всю ночь я был в лихорадочном состоянии, воображение зашевелилось, и я в ту же ночь избрал финал оперы «Руслан и Людмила».

М. И. Глинка

О своей жизни в Петербурге Глинка пишет В. Ф. Ширкову:

...жизнь моя бесцветна, несмотря на ласки, угощения, дружбу и рассеянность столичной жизни, — одна Муза и труд доставляют истинное неподдельное наслаждение.

В январе 1841 года Глинка пишет матери:

Опера моя подвигается весьма медленно, непрерывные заказные работы похитили у меня лучшее время, и я не вижу возможности отделяться от них.

И вот наконец 13 августа 1842 года на квартире Е. А. Глинки (она переехала в Петербург, чтобы быть рядом с сыном) состоялась первая репетиция «Руслана и Людмилы».

Во время репетиции я на фортепьяно играл партии духовых инструментов, голосов не было.

...репетиция была очень удачна.

М. И. Глинка

В эту минуту главный предмет любопытства и разговоров в музыкальном свете — новая опера Глинки. Каждый спрашивает: «Что же «Руслан и Людмила»? Как выходит?.. в каком это роде?.. На прошедшей неделе была первая оркестровая проба всей оперы у автора... Оркестр состоял из небольшого числа артистов, но первых наших артистов, отличнейших исполнителей и лучших судей вместе; сам автор держал партию пения на фортепиано. В первый раз эту музыку услышали сами они в целом и в первый раз могли оценить ее надлежащим образом... С первого раза исполнители были так поражены необыкновенными красотами этого необыкновенного создания, эффект был такой непредвиденный, удивление так велико, что артисты, в энтузиазме, бросали инструменты, чтобы предаваться невольным восторгам... Но тот ли еще будет эффект, когда «Руслан и Людмила» грянет с полным оркестром и хорошим пением, и когда русская публика с волшебною музыкою Глинки услышит волшебные стихи Пушкина!.. потому что в либретто вошла почти вся его поэма.

Таким образом великое музыкальное и поэтическое празднество готовится для нас; родной гениальный ком-

Эскиз декорации
к сцене
«Поле битвы»
оперы «Руслан
и Людмила».

позитор и родной гениальный поэт являются вместе; этого, помнится, еще не было в новейшей музыке.

Из журнала

В мае 1842 года состоялась первая репетиция «Руслана и Людмилы» в Большом театре.

Я был изумлен, обворожен свежестью мелодий, оригинальностью и новостью голосовых и оркестровых построений... Я чуял, как созрел, как возмужал его гений.

В. Ф. Одоевский

И наконец объявление в газете:

«Сегодня в пятницу, 27-го ноября, на Большом театре: Руслан и Людмила волшебная опера, первое представление».

Несмотря на мучительное чувство, овладевавшее мною всякий раз во время первого представления моих

драматических произведений, я еще не терял надежды на успех.

М. И. Глинка

Опера «Руслан и Людмила», которую публика в первое представление приняла было довольно холодно, крепко держится на сцене и с каждым новым представлением приобретает новых поклонников, которые из *недовольных* переходят на сторону ее ярких достоинств и красот музыкальных... В течение ныншней недели опера дана 5 раз с переменою артистов, и с каждой переменою какая-нибудь часть музыки значительно выдвигалась вперед и увлекала слушателей. С появлением г-жи Петровой 1-й поняли партию Ратмира; г-жа Семенова показала во всем блеске партию Людмилы; г. Артемовский украсил роль Руслана. Поставьте их всех вместе — и опера сделает фурор, как теперь уже делают фурор отдельные ее части. Однако и теперь мы готовы предсказать, что скоро «Руслан и Людмила» будет любимой оперой русской публики, несмотря на первую неудачу. Хорошее всегда возьмет свое, что об нем ни говори...

Ф. А. Кони

«Руслан и Людмила». Большая лирическая опера в пяти действиях. Нелепое либретто неизвестного автора. Превосходная музыка М. И. Глинки. Опера эта с бою завоевала себе внимание и любовь публики и ясно доказала, что театр может обойтись без потворства прихотям и дурному направлению вкуса зрителей, но напротив, может сам развивать вкус, давать искусству должное направление и знакомить с истинно эстетическими наслаждениями. *Огромный успех.* Представлена 32 раза в течение двух месяцев...

Ф. А. Кони

Таково было мнение друзей и доброжелателей. Но в высшем свете, среди тех, для кого ставились оперы на императорской сцене (других, общедоступных оперных театров тогда в России не было), отношение было совсем иное.

Ему часто приходилось испытывать от нашего общества то чуть не царский почет, то, вслед затем, взгляды свысока и унижение, а подчас и насмешки. Так, например, между офицерами не раз повторялась фраза: «Смотри не попадись в чем-нибудь — а то тебя пошлют «Руслана» слушать...» Эта фраза повторялась потому, что она была произнесена одним из влиятельных.

В. Н. Кашперов

Шли споры о новой опере Глинки и в печати, как после появления на сцене «Сусанина». И снова одним из самых серьезных защитников музыки Глинки в печати был В. Ф. Одоевский.

Глинка болезненно переживал враждебные нападки на «Руслана».

Немалую услугу в завоевании петербургской публики оказал Глинке знаменитый Лист во время его гастролей в Петербурге.

Балакирев вспоминает рассказ Глинки о том, как, «желая испытать Листа в чтении партитур, он положил ему на пюльпитр партитуру своей интродукции «Руслана», написанную на бумаге в 24 строки, на которых едва уместились партии оркестра, хора, соло и военного оркестра. Лист, совсем не зная этой музыки, сыграл ее как будто он хорошо знаком с ней, делал правильное выражение, где следовало, проявляя то необычайное художественное чутье, которое свойственно только натурам гениальным. Глинка был этим поражен». О прочтении Листом Марша Черномо-

ра Глинка «отзывался, как о совершенстве удивительном».

...Забытого и развенчанного Глинку после неуспеха «Руслана» только благодаря вниманию к нему Листа тогдашнее общество вспомнило, и где только ожидался гостем Лист, туда приглашали и Глинку...

М. А. Балакирев

В 1843 году Лист слышал «Руслана и Людмилу» в Большом театре.

Между избранными посетителями... можно было заметить... худощавого молодого человека, с восторженным лицом... который с величайшим вниманием следил за ходом оперы... Можно представить себе, какое впечатление его одобрителный аплодисман должен был произвести на публику... Лист не проронил ни одной нотки... и вышел из театра с лицом, выражавшим изумление и полное удовольствие. Странно: первому европейскому музыканту опера не показалась *длинною и скучною*.

Ф. А. Кони

Рассказывали, что великий князь Михаил Павлович спросил Листа, действительно ли он находит Глинку гениальным; и Лист ответил, что это его глубочайшее убеждение.

Брат не раз говорил мне, что из «Руслана» он может сделать десять таких опер, как «Жизнь за царя», и все дельно понимающие музыку тоже ставят эту оперу несравненно выше «Жизни за царя». Еще он говорил мне: «Поймут твоего Мишу, когда его не будет, а «Руслана» через сто лет...

Л. И. Шестакова

Ах, какая чудная музыка! Какая душа в этой музыке, какое гармоническое соединение чувства с умом и какое тонкое понимание народного колорита... Грустно мне было и больно, когда я, долго мечтавшая о счастье увидеть «Руслана и Людмилу» на театре и считавшая это почти невозможным по отдельности жительства моего от Петербурга, наконец увидела эту оперу в 1858 году!

Возможно ли любимое дитя гениального человека так исказить постановкою? и то, над чем с такою любовью трудился гений — представить русской публике в жалком, во всех отношениях, виде? Я плакала от грустного воспоминания про знакомых, дорогих сердцу мотивах и разрыдалась от досады за все остальное.

В артистическом мире все должно гармонировать, все должно быть отчетливо и достойно целого. Не говоря об исполнении самой музыки, что это были за декорации? *Большая голова* великана так близко поставлена к авансцене, что все чудесное и фантастическое, присвоенное ей поэтом, поневоле переходит в пошлый фарс; а поле, усеянное костями, разве похоже на то, о котором мечтал Пушкин?.. Наконец, сражение на воздухе Карла с Русланом разве не смешная штука? Неужели нельзя было придать этому всему той волшебной неясности и неопределенности, каких требует смысл поэмы и условия вкуса? Несмотря на разнохарактерность мотивов этой оперы, совершенно согласных с национальностью и особенностями действующих лиц, она мало действует на публику; я предполагаю, что причина тому именно неудачная обстановка.

Чтобы насладиться этою музыкою, надобно сидеть в театре, зажмуря глаза; я так делала и была минутами счастлива. Неужели у нас не найдется даже после смерти Глинки живая душа, которая бы взялась сде-

лать то, что он желал? А он так страстно любил это последнее свое дитя! В этой опере он выражал свою последнюю любовь, эта была мелодия лебединой песни и гармоническое сказание о чувствах души, которая изливалась в музыку, хотя и не всем доступной, но полной поэзии!

А. П. Керн

НАЧАЛО НАЧАЛ

...в десятых годах нынешнего столетия и ранее у нас существовала русская опера; с водворением же итальянской вкус публики изменился, она предалась влиянию последней музыки до того, что не умела оценить произведений дорогих своих соотечественников и была непростительно к ним холодна. Истые знатоки (к сожалению, их немного) оценили оперы Глинки и Даргомыжского, и оперы первого «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила» давались довольно часто на русской сцене (предпочтительно первая). Оперы А. С. Даргомыжского были приняты холодно, публика наша не умела оценить творений своего родного, гениального композитора, но придет время, когда достойному воздадут достойное. Все, что наше русское, родное, мы того ценить не умеем и к стыду нашему кадим и преклоняемся всему чужеземному.

Н. А. Титов

...Глинка никогда не скупился на похвалы хорошего; он восхищался некоторыми номерами итальянских композиторов, которых не любил положительно, и даже

Беллини, которого называл «сладчайшим»; он находил хорошее у Виельгорского, у Алябьева, он отдавал справедливость Толстому, а о Даргомыжском и говорить нечего: он постоянно отзывался о нем, как о сильном таланте. Помню, раз говорили о мелких его сочинениях, и, между прочим, речь коснулась песни «Каюсь, дядя»; Глинка сказал тогда, что если бы Даргомыжский решился написать оперу-buffa (комическую оперу), то разом стал бы выше всех композиторов, писавших в этом роде... Правда, что Глинка иногда указывал Даргомыжскому на неправильности, которые ему казались в его сочинениях... Я сам слышал, как Глинка смиренно сознавал, что Даргомыжский, музыкально, учение его.

П. А. Степанов

Говоря о Глинке, нельзя не вспомнить о том, с каким интересом и сочувствием относился он ко всякому мало-мальски серьезному начинанию в музыке у русских...

В разговорах с ним о ком-либо из музыкантов русских или иностранных никогда не проскальзывало тени зависти. Кто знал его коротко, тот заметил, что преобладающие стороны его личности были: нежность, детская наивность, добродушная веселость, соединенная с легким оттенком юмора.

В. Н. Кашперов

Пение самим Глинкою его собственной музыки для меня было *событием*...

Великая тайна великих исполнителей в том, что они исполняемое силою своего таланта освещают изнутри, просветляют, влагают туда целый мир, целый новый мир ощущений из своей собственной души... так было и с Глинкою. Могуче-гениальный, как творец музыки, он был столько же гениален и в исполнении вокальном.

Тайною: с первых звуков переселить слушателя в ту особую атмосферу, которая составляет задачу исполняемой музыки, в то особенное настроение духа, которое вызывается поэтическим смыслом пьесы, и держать слушателя под магнетическим обаянием от первого звука до последнего — этою магией Глинка обладал в высшей степени...

Можно прямо сказать: кто не слышал романсов Глинки, спетых *им самим*, тот *не знает* этих романсов.

К сожалению — на горе искусству — на свете еще не придумано средства «фиксировать» все оттенки игры актера или исполнения музыкального...

...Голос Глинки был тенор, не особенно высокий, не особенно красивого тембра, но чисто грудной, звучный, иногда на высоких нотах металлически резкий для страстного драматического выражения... Иногда являлись звуки с тембром несколько носовым, только это приходилось всегда так кстати, что даже не могло считаться недостатком; произношение слов самое явственное, декламация вернейшая, превосходная. Глинка «отчеканивал» в своем пении каждое слово.

Поэзия его исполнения — повторяю — непередаваема! ...Он погружался в самую глубину исполняемого, заставлял слушателей жить тою жизнью, дышать тем дыханием, которое веет в *идеале* исполняемой пьесы... оттого увлекал каждую фразу, каждым словом.

А. Н. Серов

В мае 1844 года Глинка ежедневно бывал на даче у художника Яненки вместе с Брюлловым и другими друзьями.

Обедали и ужинали складчиной... Вообще время шло недурно.

М. И. Глинка

Друзья сняли тогда с Глинки гипсовую маску, и Яненко, Степанов и Брюллов вылепили бюст Глинки.

В июле 1844 года Глинка отправился из Петербурга в длительное путешествие через Варшаву, Берлин, Кельн, Брюссель в Париж.

В одном из писем к матери из Парижа Глинка так объясняет цель поездки за границу:

Первая: поправить здоровье... и успокоить сердце удалением от мест и в особенности людей, напоминавших мне мои душевные страдания. Вторая: удовлетворить любопытству обозрением тех мест и городов, куда давно влекло меня мое воображение, и как артисту приобрести запас новых идей и впечатлений, и, наконец, приобрести некоторую известность и вступить в сношения с известными талантами в Европе... Ожидаю Листа из Испании, надеюсь, что посредством его сблизюсь с первыми артистами Парижа. Не желал бы уехать отсюда, не сделавшись известным (не столько для себя, сколько для моих недоброжелателей).

Огромность семиэтажных домов и необыкновенное движение на улицах поразили меня самым приятным образом...

М. И. Глинка

Париж до такой степени разнообразен, что выйдя на улицу нет возможности хандрить... В Париже мое любимое место: *Gardin des plantes* — там зверинец, множество птиц и чрезвычайных растений.

...я живу как залетная птица... в этой жизни есть что-то приятное, беззаботное. Прогулка, театры, а иногда дружеские беседы разнообразят жизнь и не дают скуке возможности овладевать мною, как то бывало в Петербурге... В летнее время я осматривал монументы и окрестности города, а теперь посещаю театры, Публич-

ные балы и делаю наблюдения над нравами и обычаями разных сословий обитателей Парижа.

М. И. Глинка

Вчера был Королевский праздник. Я провел день очень весело. Студенты Медицинского факультета (разумеется, русские) устроили в честь меня праздник и поднесли мне венок по случаю получения известий о моих успехах в России. Ибо, как вам известно, итальянцы исполнили мою музыку с громаднейшим успехом, судя по тому, что мне пишут. Это меня тем более радует, что совпадает с отзывами парижских журналов... журналы высказались обо мне в самых лестных выражениях. Я проникнут благодарностью к просвещенной и благожелательной парижской публике и чувствую себя некоторым образом обязанным, творя для отечества, писать вместе с тем и для Европы.

М. И. Глинка

...г. Глинка, превосходно владеющий гармонией и прекрасно знающий механизм инструментов..., занимает почетное место среди композиторов всех стран.

Из французского журнала

Я сблизился со многими примечательными людьми, между прочим с Берлиозом, который, по моему мнению, самый примечательный композитор нашего времени, он же и первый критик в Париже... Может быть, другие будут щастливее в своих дебютах, но я *первый русский композитор*, который познакомил парижскую публику с своим именем и своими произведениями, написанными в *России* и для *России*.

М. И. Глинка

Талант Глинки отличается необычайными гибкостью и разнообразием; стиль его, по редкому преимуще-

ству, преобразуется по воле композитора сообразно требованиям и характеру сюжета, который он обрабатывает. Он делается простым и даже наивным, никогда не унижаясь до употребления пошлых оборотов. В мелодиях его являются звуки неожиданные, периоды прелестно-странные. Он великий гармонист и пишет партии инструментов с такою тщательностью, с таким глубоким знанием их самых тайных средств, что его оркестр — один из самых новых, самых живых оркестров в наше время.

Берлиоз

Из опер Глинки Берлиоз отдает предпочтение последней: «...талант автора является тут более зрелым и могущественным. «Руслан» есть, бесспорно, шаг вперед, новый фазис в музыкальном развитии Глинки».

В драме Берлиоз неестественен, но зато в области фантастического он дошел до такого высокого совершенства, до которого еще *никто* не доходил.

М. И. Глинка

— Берлиоз — музыкант *гениальный*, — говорил Михаил Иванович. — Его французы не понимают и никогда не поймут. Для Парижа в нем слишком много серьезности. Что до меня касается, в его музыке я вижу истинную оригинальность, истинное творчество. Он пишет *по-иному*, нежели все другие... его мелодии сразу никак не могут выступить ясно и понравиться большинству. Но мелодичность в нем столько же сильна, как и гармоническая сторона. А уж об оркестровке и говорить нечего! По этой части у него новости поразительные на каждом шагу.

— Вы с ним близко познакомились, Михаил Иванович?

— Посещал его, барин, как лихорадка — *через*

день. Французов вообще, как вы знаете, я сильно не жалую, не жалую и складку их ума, но берлиозов ум обворожил меня: это мефистофель какой-то — необыкновенной язвительности, а когда захочет быть приятным, так его заслушаешься. Прелесть, что за господин.

А. Н. Серов

Над Россини, Беллини и Доницетти Глинка часто посмеивался, называя их музыку «цветочною»... Когда разговор касался Моцарта, Глинка всегда прибавлял «хорош, только куда уж ему до Бетховена!» В недоумении, я спросил один раз: «и в опере?»

— Да, — отвечал Глинка, — и в опере. «Фиделио» я не променяю на все оперы Моцарта вместе.

А. Н. Серов

Писать для здешних театров не вижу возможности. Интриг здесь более, чем где-либо, а сверх того, *живя за границей, я более и более убеждаюсь в том, что я душою русской и мне трудно подделываться под чужой лад.* Намерен посетить Испанию с целью изучить тамошние напевы, потому что они несколько сходны с русскими и дадут мне возможность (я надеюсь) приняться за новый большой труд.

М. И. Глинка

Проя согласия матери и денег на поездку в Испанию, Глинка пишет:

Это давнишняя мечта моей юности... Кроме удовлетворения пламенной фантазии, я найду там в музыкальном отношении новые предметы для изучения.

По утрам обыкновенно я занимался испанским языком.

13 мая 1845 года Глинка выехал из Парижа в Испанию.

Глинка
путешествует
по Испании
(карикатура
Н. А. Соколова
из альбома
М. Глинки).

...Испания так любопытна, что в эти десять месяцев, кои намерен провести здесь, едва ли успею осмотреть то, что предполагал. В музыкальном отношении представляется множество любопытного, но *отыскивать* эти народные песни *нелегко; еще труднее уловить национальный характер испанской музыки* — все это дает пищу моему *беспокойному воображению*, и чем труднее достижение цели, тем я, как всегда, упорнее и постояннее стремлюсь к ней.

М. И. Глинка — матери,
6 июля 1845 года

Нигде за границей я не был принят с большим радушием и искренностью — характер здешних жителей мне чрезвычайно нравится... приветливы, благородны и тверды в своем слове.

Литература и театр здесь в лучшем состоянии, нежели я мог предполагать, и поэтому, осмотревшись, думаю предпринять что-либо для Испании.

М. И. Глинка

Изучение испанского языка и чтение испанских книг наполняют день.

М. И. Г л и н к а

В Мадриде Глинка видел бой быков — «зрелище варварское и кровожадное».

Я сделал достаточные успехи в испанском языке и в настоящее время хочу предпринять большой труд — изучение их национальной музыки...

Мне более и более нравится жить в Испании. Не удивляйтесь, здесь не знают чинов и церемоний, ласковы, вежливы, как нигде.

Maestros испанские и иностранные, живущие в Испании, ...если и исполняют иногда национальные мелодии, то сейчас же обезображивают их, придавая европейский характер... Для достижения моей цели надо прибегать к извощикам..., мастеровым и простому народу и вслушиваться в их напевы с большим вниманием.

М. И. Г л и н к а

Испания принесла Глинке радость встречи с истинной народной музыкой, культурой, природой, так непохожими на давно знакомое.

По вечерам собирались у нас соседи, соседки и знакомые, пели, плясали и беседовали. Между знакомыми сын одного тамошнего негоцианта... бойко играл на гитаре, в особенности арагонскую хоту, которую с его варьяциями я удержал в памяти.

М. И. Г л и н к а

Позднее Глинка использовал эту тему для симфонической пьесы.

Я провел там два года из лучших в моей жизни.

М. И. Г л и н к а

В Испании родилась знаменитая симфоническая увертюра Глинки «Арагонская хота» — стремительная, страстная, захватывающая энергией, ритмом, мелодией народного испанского танца. Позднее, в 1851 году, впечатления путешествия Глинки по Испании возникли в другой симфонической увертюре — «Воспоминания о летней ночи в Мадриде». В этой лирической фантазии гармония, поэзия картин-образов прекрасной страны.

Вернувшись на родину, Глинка жил в Новоспасском у матери, потом на зиму перебрался вместе с сестрой Л. И. Шестаковой в Смоленск. При нем был испанец дон Педро — слуга, бойко игравший на гитаре, сопровождавший Глинку в поездках по Испании.

Мы жили с сестрой душа в душу...

Я сидел безвыходно дома и сочинял... сестра читала мне по-русски и по-французски, а Педро по-испански...

М. И. Глинка

В январе 1848 года в зале Смоленского дворянского собрания состоялся обед в честь Глинки.

Чтобы отблагодарить за честь... всякий день я был на балах и вечерах и неоднократно должен был потешать публику пением и игрою на фортепьяно.

Эта суматошная жизнь... раздражила мои нервы; я впал в дикое отчаяние и упросил сестру выпроводить меня в Варшаву.

М. И. Глинка

В марте 1848 года Глинка уехал в Варшаву.

Мы вместе перечитали тогда лучших поэтов. Нельзя было не удивляться его обширному знанию европейской литературы и искусств. Он очаровывал меня своими за-

мечаниями о произведениях испанской поэзии и живописи. Не говорю уже о музыке. Сам необыкновенный в ней мастер, часто слушая исполнение лучших произведений Гайдна, Глюка и др., он приходил в самозабвение и однажды сказал мне: «И я не отрубил себе эту руку, которая после таких великих созданий осмелилась писать ноты!» — Вот истинный художник!

П. П. Дубровский

Летом, живя в Варшаве, Глинка сочинил знаменитую «Камаринскую». Вспоминая о рождении «Камаринской», Глинка рассказывает в «Записках»:

...нашел сближение между свадебною песнею «Иза гор, гор, высоких гор»... которую слышал в деревне, и плясовую «Камаринскую», всем известною. И вдруг фантазия моя разыгралась.

1848 год, проведенный Михаилом Ивановичем в Варшаве, вообще был одним из приятнейших в его жизни. Тогда он написал свою знаменитую фантазию на тему «Камаринской», романсы: «Маргарита», «Слышу ли голос твой», «Кубок» и «Финский залив». Сверх того уже начерно были написаны «Воспоминания Кастилии» (испанское скерцо)...

...Тогда он уже замышлял написать «Камаринскую»; некоторые ее части набросал на бумагу и пробовал с... оркестром, который, по его желанию, иногда собирался у него дома. Не раз присутствовал я при этих пробах и был свидетелем черновой работы этого превосходного произведения. Наконец пробы были оставлены; М. И. долго не принимался за окончательную отделку и постоянно обдумывал свое произведение. В это время он даже вовсе не играл на фортепьяно. Однажды утром я прихожу к нему (это было летом) и застаю его в ком-

нате, где за перегородкою из сетки летало штук пятнадцать птиц соловьиной породы... Он сидел за маленьким столом, посредине комнаты, перед своими птичками, и что-то писал на большом листе бумаги... Это была «Камаринская». Она совершенно была готова в его воображении: он записывал ее, как обыкновенный смертный, записывающий какие-нибудь беглые заметки, и в то же время разговаривал и шутил со мною. Вскоре пришли два, три приятеля, но он продолжал писать при громком хохоте и говоря, нисколько этим не стеснясь: а между тем передавалось нотными знаками одно из самых замечательных его произведений.

П. П. Дубровский

Русская плясовая песня, попросту «Камаринская», принадлежит к тем прихотливым, но глубоким созданиям гениального нашего музыканта, которые доступны только Берлиозу и Глинке с тою разницею, что Берлиозу трудно было бы выдержать постоянно тот русский характер, который ни разу не изменяет себе, несмотря на всю роскошь инструментовки, на все художественные сопряжения мелодий, проникнутые глубоким знанием музыки. Но не столько поражает вас ее техническая отделка, сколько глубина ее содержания. В ней вполне отразился русский характер со всем его привольем, добродушием, беззаботностью, веселостью... сначала мотив слышится один, без всякой обстановки, как напевает его русский человек, беспечно потешая самого себя; мотив повторяется долго, долго, между тем на душу певуна находят разные думы, разные ощущения, которые отражаются в этом мотиве; он делается то веселым, то заунывным, то буйным, — может быть, вспомнил весельчак о далекой красавице зазнобушке, а затем вслед про молодецкую схватку, а там про свое сиротство горемычное на чужбине; музыкант подметил эти мимолет-

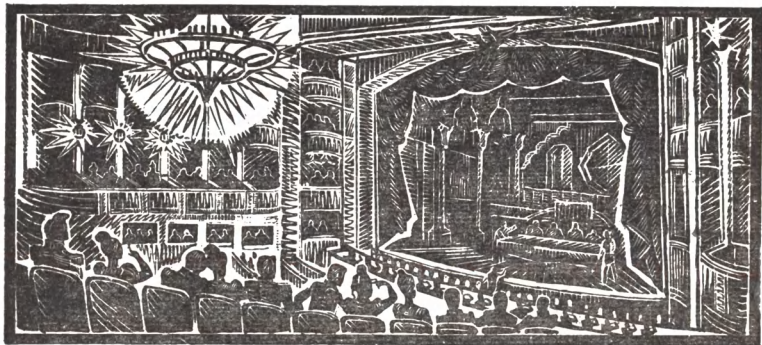
ные ощущения, как живописец подмечает мимолетное выражение лица, световой эффект, чтобы приковать их к полотну; они бы исчезли для нас, но художник спас их от забвения; они перед нами, всегда в нашей власти... «Камаринская» Глинки есть вместе и чудное музыкальное произведение, и картина, и глубокое психологическое наблюдение.

В. Ф. Одоевский

Биограф Бетховена Ленц в восхищении писал, что если бы сам великий Бетховен услышал «Камаринскую», он «с удовольствием обеими руками» подписал бы под этой фантазией свое имя.

...в «Камаринской» Глинки, как дуб в желуде, заключена вся русская симфоническая школа.

П. И. Чайковский

ВПЕРЕДИ ВЕЧНОСТЬ

«Камаринская» Глинки родилась в конце 40-х годов, когда зазвучала обращенная к простому народу поэзия Некрасова; когда появились повести Герцена в защиту прав человека из народа против крепостничества; когда Тургенев написал «Записки охотника», полные сочувствия к простым крестьянам, когда Некрасов и Белинский взяли в свои руки издание Пушкинского журнала «Современник», определив новое направление в русской литературе — революционно-демократическое.

Глинка тогда еще не был знаком с сочинениями этих писателей, он был далек от политики и революционной борьбы, но в творчестве его отразился дух времени, как это всегда бывает с гениальными художниками. Его «Камаринская», «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила», романсы стали началом главного направления симфонической, оперной, камерной музыки, тем началом, откуда пошло творчество композиторов «Могучей кучки», Чайковского, Рахманинова.

Все это мы знаем теперь, а при жизни Глинки не многие современники его это понимали.

Среди тех, кто понимал Глинку, поддерживал его силы, заботился о сохранении для потомков и распространении его сочинений на родине и за границей, были музыкальные критики В. Ф. Одоевский, В. В. Стасов, А. Н. Серов, композиторы А. С. Даргомыжский, М. А. Балакирев. Многим мы обязаны в сохранении произведений Глинки В. П. Энгельгардту и Л. И. Шестаковой.

В 1855 году Глинке захотелось послать обе оперы свои и романсы в Берлин Дену для публичной библиотеки. Партитуры опер он отдал переписывать и потом сам проверял их, а отыскать и собрать романсы он возложил на меня; хлопот было довольно: брат помнил, при ком и в котором году писал он каждый романс, но кому они были подарены или проданы, не помнил. Об иных из них надо было писать к разным лицам, не только в Петербурге, но даже во внутрь России и за границу, спрашивая, где можно отыскать; других же совсем не оказалось, и он написал их сызнова.

Л. И. Шестакова

Было время, когда в высших сферах общества искали случая с ним познакомиться: его знали как оригинального и даровитого композитора во всей Европе, так что, как композитор, он мог считать себя одним из самых счастливых. И такого-то гениального, крепкого человека русское общество уложило в гроб до 54 лет... го чтили, коль скоро влиятельное лицо его обласкает и похвалит, и как от него отворачивались, когда влиятельное лицо его забывало.

...В Европе, за весьма малым исключением, большинство даже великих композиторов страдали от дурного обращения с ними и, как Моцарт, умирали рано и в нищете... общество за композитором человека не видело или не хотело видеть.

С *Глинкой* совсем другое было: он сам был из так называемого порядочного общества, был приятель Жуковского, Пушкина и по развитию принадлежал скорее к высшему кругу.

Это уже ясно указывает на низкий уровень общественного воспитания; я говорю о воспитании действительном, а не внешнем, которое учит — когда и где какие перчатки надеваются, сколько кому платится визитов и каким особам улыбаться подобает; обойтись же по-человечески с лицом, которого вы не боитесь или в котором вы не нуждаетесь, у нас умеют весьма немногие даже в ученой и развитой среде.

В нашем обществе нужно *уметь казаться, импонировать*; ни того, ни другого у Глинки не было и следа.

Если взять все это в соображение, то легко понять, сколько грубых и незаслуженных оскорблений должна была выстрадать эта добродушнейшая и впечатлительная натура, которой только и оставалось, что сжиматься как мимозе... от всякого грубого прикосновения...

В. Н. Кашперов

Глинка и правда, как мимоза, съезживался от каждого грубого прикосновения. Он переезжал из города в город, не находя себе места. Петербург... Варшава... Париж... Петербург... Берлин... С 1849 года он мало сочинял.

Летом 1851 года, живя в Варшаве, Глинка узнал о смерти матери в Новоспасском. На другой день на нервной почве у него отнялась рука. Больше он в Новоспасском не был — не мог, слишком больно было ехать туда, когда там уже не было матери. Управлять именьями он поручил Л. И. Шестаковой и ее мужу. Сестра приехала к нему в Варшаву.

Ее внимательная дружба несказанно утешила меня. Я несколько ожил духом.

М. И. Глинка

Приезжая в Петербург, Глинка поселялся вместе с сестрой. В его доме на музыкальные вечера и дружеские беседы собирались музыканты, артисты, композиторы. В 1852 году Глинка продиктовал А. Н. Серову свои «Заметки об инструментовке», в которых и теперь композиторы находят полезные наблюдения и советы.

Муза моя молчит, отчасти полагаю оттого, что я очень переменился, стал серьезнее и покойнее, весьма редко бываю в восторженном состоянии, сверх того мало-помалу у меня развилось критическое воззрение на искусство и теперь я, кроме классической музыки, никакой другой без скуки слушать не могу. По этому последнему обстоятельству, ежели я строг к другим, то еще строже к самому себе.

М. И. Глинка — Н. В. Кукольникову

Что же мне делать, если, сравнивая себя с гениальными *maestro*, я увлекаюсь ими до такой степени, что мне по убеждению не может и не хочется писать?

М. И. Глинка — Н. В. Кукольникову

В день именин у Глинки собралось большое общество.

В письме к В. П. Энгельгардту Глинка просит прислать ему скрипку:

...Желание пилить на скрипке пилит меня самого... продолжая здесь упражняться, полагаю, мог бы со временем держать *секунду* (не в квартетах), но хотя в аккомпанементах вокальной музыки Генделя, Баха и других...

По просьбе сестры Людмилы Ивановны, с которой живу вместе уже третий раз и которая, однако ж, не

М. И. Глинка
и его сестра
Л. И. Шестакова.

знает прежней моей жизни до 1847 года, я предпринял еще в июне и постоянно продолжаю писать мои Записки, начиная от эпохи моего рождения, т. е. 1804, и до моего теперешнего приезда в Россию, т. е. до 1854 года. Не предвижу, чтоб впоследствии жизнь моя могла бы подать повод к повествованию... Пишу я эти Записки без всякого покушения на красоту слога, а пишу просто, что было и как было, в хронологическом порядке, исключая все то, что не имело прямого или косвенного отношения к моей художнической жизни.

М. И. Глинка

Лето 1854 года Глинка провел на даче в Царском Селе, писал «Записки», занимался с любимой племянницей, отдыхал душой, окруженный заботой сестры и близких друзей.

26 августа 1854 года мы перебрались в Петербург; квартира наша была хорошая, а зал для музыки чрезвычайно обширный и с хорошим резонансом. Скоро по переезде в город девочка моя занемогла опасно, брат прервал все свои занятия и совершенно посвятил себя

заботам о нас. Надо было видеть, с каким горячим участием он помогал мне ухаживать за девочкою и берег меня, он иногда ночами приходил сидеть со мною, ходил чуть слышно и на это время совершенно отказывал себе в музыкальных и всяких удовольствиях. С какою деликатностью, мягкостью он обращался с нами всегда, а особенно в это время!.. Когда моя девочка совершенно оправилась, первое, что он сочинил, была «Детская полька»; ей келке...

...Как теперь вижу его сидящим в зале в своем любимом халате (надо заметить, что брат всегда носил зимнюю халаты на заячьем меху, подбитые шелковою материей), близ стола и усердно выписывающим партитуру... Вдруг вбегает неожиданно Оля, прямо к брату: «Мися, иглай»... брат с улыбкой, доброй, хорошей улыбкой оставлял работу и садился играть; потом девочка затевала петь, и брат учил ее «ходит ветер у ворот» и радовался, когда она брала верные ноты. Иногда он сам танцевал с нею, а иногда, чтобы посмешить Олю, танцевал мазурку с 60-летнею старухою (нянею моей девочки).

В. П. Энгельгардт постоянно доставлял Глинке всевозможные музыкальные наслаждения, даже в Царском устроил музыкальный квартетный вечер с Пиккелем и другими; между прочими пьесами исполнялось одно из юношеских произведений Глинки, и Глинка не узнал своего квартета.

Л. И. Шестакова

Ф. М. Толстой вспоминает, как он читал Глинке в 1854 году свою хвалебную статью об опере «Иван Сусанин»:

Во время чтения, я замечал, что М. И. все более и более хмурился и, не делая никаких возражений, только изредка наклоняет голову, как бы в знак ирониче-

ской благодарности, когда похвалы заходили уже слишком далеко, по его мнению.

По окончании чтения Глинка, наконец, прервал молчание и высказал следующее, достойное замечания мнение:

— Благодарю тебя за доброе намерение, но я нахожу, что разбор твой цели не достигает... Зачем ты не сказал, например, что в русском стиле не следует вводить итальянскую *кабалету*, как например: «Меня ты на Руси?»

— Но, помилуй, — воскликнул я в ужасе: — мелодия эта проникнута русским духом!

— Да! Но форма отзывается итальянщиной. Возможно ли, чтобы такой человек, как Сусанин, вздумал бы повторять слово в слово... наивные излияния сироты Вани?..

Глинка оживился и долго указывал на отступления, сделанные им в «Жизни за царя» от коренного, рационального, по его выражению, русского оперного стиля.

— Нет, любезнейший, — сказал он в заключение: — так рецензии писать не следует; взялся за критику, так и пиши правду-матку, а похвалой никого не удивишь.

...мне непременно хотелось вместе с братом видеть «Жизнь за царя», он согласился. Но при поднятии занавеса он был неприятно поражен, увидя, как небрежно давалась эта опера.

После первых представлений в 1836 г. он не видал *свою* старуху, как он называл «Жизнь за царя», и в 19 лет не было подновлено ничего; те же самые костюмы, те же декорации, и польский бал освещался 4-мя свечами; брат на это заметил мне, что скоро будут освещать его двумя сальными огарками. Но что выделял оркестр, какие брались темпы, ужас! Я понимаю, какая была большая жертва со стороны брата для меня, что он немедленно не оставил театр. Но он

восхищался Петровым, и тут же в роли Вани он заметил голос Леоновой (впоследствии она сделалась его ученицей). В один из антрактов вошел к нам в ложу князь Одоевский и шепнул мне, что брата хотят вызывать, и шепнул так громко, что брат, услышав это, встал со своего места и вышел из ложи, сказав мне: «Подъезжай, пожалуйста, за мной к квартире директора и пришли за мной человека». Останавливать брата не было никакой возможности, я знала хорошо его характер. Точно, его вызывали, но тут же со сцены было объявлено, что он уехал... Он на другой же день занемог сильным расстройством нерв... недели через две он оправился.

Л. И. Шестакова

...Искусство — это данная мне небом отрада — гибнет здесь от убийственного ко всему прекрасному равнодушия...

...у меня сумели отнять все, даже энтузиазм к моему искусству — мое последнее прибежище.

М. И. Глинка

Путешествуя в 1852—1854 годах за границей, объехав «почти всю Францию, за исключением приморских мест», Глинка тосковал по родине. Возвращаясь в Петербург, не находил себе места и там.

Об этом он пишет родным и друзьям.

...Странное дело, весьма мало написано мною за границей. А теперь решительно чувствую, что только в отечестве я еще могу быть на что-либо годен. Здесь мне как-то неловко.

...скучаю шибко, и весьма, весьма тянет меня на родину!

Шум света, театры, даже путешествия, все мне надоело, жажду тихой жизни в кругу своих.

Для сердца что может заменить *своих и родину!*

В Париже я жил тихо и уединенно. Берлиоза видел только один раз, я ему уже не нужен, и, следовательно, приязни конец. По музыкальной части слышал два раза в Орега сотііе Иосифа Мегюля, очень опрятно исполненного, ...оркестр играл четко. Не могу сказать того об 5-й симфонии Бетховена, которую слышал в консерватории. Играют как-то *механически*... вам обещают прекрасную симфонию и ее у вас *крадут*.

...В Питере делать мне вовсе нечего, кроме скуки и страдания, ожидать нечего. В. Петров обещает к осени оперу — не думаю, чтоб он сдержал слово, а если и напишет, то я не токмо не начал, но болезнь изгладила из моей памяти все сделанные соображения. Во всяком случае, опера пойдет в долгий ящик, и быть из-за нее *пленником* в этом гадком городе я решительно не намерен, публика того не стоит.

...во мне господствует непреодолимое желание уехать из ненавистного мне Петербурга. Мне решительно вреден здешний климат, а может, еще более расстраивают здоровье здешние сплетники, у каждого на кончике языка по малой мере хоть капля яду.

Варшаву... люблю не менее как ты Ельню. Мне там спокойно, ловко и привольно, и никто там меня *не обижает*.

М. И. Глинка — Л. И. Шестаковой

Я был поражен, увидев его после многолетней разлуки. Он совершенно изменился в физическом отношении. Прежде худощавый — теперь он не только пополнился, но сделался даже толст; щеки надулись, и лицо округлилось; волосы он отпустил и стриг в кружок; они на го-

лове и бороде поседели; губы сузились, и подбородок подался кверху, совсем не тот Глинка стал. ...Хотя Глинка и изменился физически, но характер остался тот же добрый, веселый, и даже я нашел, что он стал спокойнее.

П. А. Степанов

...Рубинштейн взялся знакомить Германию с нашей музыкой и написал статью, в коей всем нам напакустил и задел мою старуху, «Жизнь за царя», довольно дерзко.

М. И. Глинка — В. П. Энгельгардту

А. Н. Серов, заботясь об издании сочинений Глинки за границей, пишет В. П. Энгельгардту: «...пора, наконец, чтобы за границей, особенно в Германии, узнали, что такое М. И. и его оперы — узнали бы на деле — (из партитур и из добросовестных аранжировок), а не из дурацкой статьи Рубинштейна».

Ден, получив в Берлине партитуры опер Глинки, пишет композитору:

Вероятно, не меньше удовольствия доставит вам весть, что ваши произведения ежедневно переходят из рук в руки; в виде очень ценного подарка я передал их в Королевскую библиотеку, переплел в два тома. Хотя текст (двух опер) и не может быть понят, но ваши мелодии полны такого очарования, такого глубокого вдохновения, удивительной простоты и гениальной фантастичности, что ваши оба тома являются любимейшими произведениями образованных музыкантов и возбуждают требования на другие ваши произведения.

27 апреля 1856 года Глинка последний раз выехал из Петербурга в Берлин. Л. И. Шестакова и В. В. Стасов проводили его до заставы.

16 мая 1856 года Ден посылает Л. И. Шестаковой шуточную расписку: «Принял Михаила Глинку от доставившего его из Петербурга в Берлин г. Мемеля в прекрасном состоянии».

Перед отъездом Глинки за границу В. В. Стасов посоветовал Л. И. Шестаковой сфотографировать его.

25 апреля Левицким была сделана фотография Глинки — последний его портрет, «удивительнейший», по его словам, «чрезвычайно похожий».

В апреле была напечатана статья А. Н. Серова в «Музыкальном и театральном вестнике» об опере «Руслан и Людмила»:

Обидно подумать, что имя такого необыкновенно одаренного самобытного художника, как М. И. Глинка, остается еще почти неизвестным в Европе — а мы здесь обязаны знать и помнить имена разных десятистепенных талантиков... Неужели такой порядок музыкальных дел никогда не переменится? Нет, должен перемениться — стоит только дружно содействовать этой цели.

В Павловске 14 июня 1856 года в бенефис и под управлением Иоганна Штрауса исполнялась «Камаринская» Глинки.

Что за прелесть оркестровки в этой оригинальной капризной фантазии!

А. Н. Серов

А. Н. Серову в одной из бесед сказал Глинка ставшую крылатой фразу:

Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем.

Я решительно... намерен провести зиму до будущей весны в Берлине... Причина же, почему остаюсь здесь,

Портрет,
подаренный
М. И. Глинкой
М. А. Балакиреву.

следующая — от *хорошего лучшего* не *ищут*! Мне в Берлине *хорошо*... Хорошо, потому что есть *дело*. Мои занятия с Деном *трудны, очень даже трудны*, но чрезвычайно занимательны, а главное — могут быть полезны для известной тебе цели... Кажется, что я здесь буду дебютировать как композитор.

М. И. Глинка — Л. И. Шестаковой,
8 июля 1856 года

...Хотел было написать вам целую диссертацию о музыке, о русской науке и проч., но так как я еще не те-

рю надежды свидеться с вами в Берлине... и живую беседу предпочитаю мертвой, письменной, то теперь ограничусь немногими афоризмами:

...Чувство и форма это — душа и тело. Первое — дар Вышней благодати, второе — приобретается трудом...

М. И. Глинка — В. Н. Кашперову

Осенью 1856 года на радость Глинке приехал в Берлин В. Н. Кашперов. Он привез с собой небольшую русскую библиотеку: Гоголя, Островского, Тургенева, Григоровича, Беллинского и других авторов.

Глинка жадно вчитывался в них и иной раз до слез умилялся над ними. Тут только, в Берлине, я заметил, что он литературы нашей с сороковых годов вовсе не знал, потому что в свое время вращался в такой среде, которая, кроме Пушкина, Жуковского, Карамзина и еще немногих, никого не признавала за литераторов, и пробаивался более иностранной литературой.

В. Н. Кашперов

...Кашперовы — соседи, мы ежедневно видимся, они мне нередко читают... Ден так же добр, услужлив и внимателен, как был прежде. Одно досадно, что часто хвораю...

М. И. Глинка — Л. И. Шестаковой

Вообще я могу сказать, что до сих пор я еще никогда не изучал *настоящей церковной музыки*, а потому и не надеюсь постигнуть в короткое время то, что было сооружено несколькими веками.

М. И. Глинка — В. В. Стасову

В октябре 1856 года Глинка сообщает Л. И. Шестаковой, что он здоров, много работает с Деном, дает уроки пения жене Кашперова и дочерям хозяина.

Занятия... подвигаются быстро, я впился в работу...

Медленно, но прочно идут мои занятия с Денем, все бьемся с фугами: — Я почти убежден, что можно связать фугу западную с *условиями нашей музыки* узамн законного брака.

М. И. Глинка — К. А. Булгакову

Зимой 1856 года Глинка задумал сочиненную в 1839 году фортепьянную «Вальс-фантазию» переложить для оркестра.

Отыскиваются многие из моих пьес для фортепьяно, но Valse-Fantaisie ...не находится — но я усердно ищу эту пьесу и, когда обрету, сообщу тебе копию.

М. И. Глинка — К. А. Булгакову

...Valse-Fantaisie утрачен. Я по памяти инструментовтовал его сновыми ухищрениями...

М. И. Глинка — Н. В. Кукольникову

Я болен как собака, а все-таки, понатужась, окончу инструментовку Valse-Fantaisie, которую тебе посвящаю.

М. И. Глинка — К. А. Булгакову

Давая совет, как исполнять «Вальс-фантазию», Глинка пишет:

...никакого расчета на виртуозность (кою решительно не терплю) ни на огромность массы оркестра. Всего требуется... от 27 до 31 (человек).

В Петербурге напечатаны записанные А. Н. Серовым «Заметки М. И. Глинки об инструментовке». Статья первая в № 2 «Музыкального и театрального вестника».

В Петербурге в февральском выпуске «Библиотеки для чтения» в очерке о русской музыке появился отзыв о Глинке:

М. И. Глинка... стал на одинаковую высоту с теми гениальными художниками, которые вне подражаний, самобытным творчеством прокладывали искусству новые пути, и заслуга его в отношении к нашей музыке может быть сравнена с заслугой Ломоносова.

Восхищенный, захваченный совершенными формами старинной церковной, классической музыки Баха, Генделя, Глинка не мог вернуться к прежним замыслам, а их было немало.

В 1848 году Глинка начал сочинять крупное произведение на тему «Илья Муромец». Неизвестно, оперу он тогда задумал или симфонию.

В 1852 году композитор взялся за сочинение симфонии по повести Гоголя «Тарас Бульба».

В 1855 году работал над оперой «Двумужница».

В январе Глинка сообщает сестре о придворном концерте в Берлине, где исполнено было трио из «Жизни за царя» в сопровождении оркестра, которым управлял Мейербер.

Письмо Мейербера как доказательство, что я сам не навязывался и статьи журналов доставлю в самом непродолжительном времени... Прилагаю при сем программу концерта.

После концерта в Королевском дворце Глинка сильно заболел.

Характеристическая черта его была добродушная веселость, которая его не оставляла, за исключением лишь того времени, когда он испытывал на себе чье-либо грубое прикосновение... за день до смерти, когда я

его подымал с постели и «облекал его в ризы» (как он выражался), он еще смешил нас разными прибаутками, надев на себя чепец одной из сиделок (их было две). Указывая на них глазами, он прибавлял мне потом по русски: Как же их не смешить, — ведь им тоска сидеть день и ночь с больным стариком!

В. Н. Кашперов

В. Ф. Одоевский виделся с Глинкой незадолго до смерти:

Он уже был болен... он весь вострепнулся, услышав русскую речь... встал с постели, утверждая, что у него только легкое нездоровье, — и сыграл мне свою небольшую новую пьеску в строгом церковном стиле...

Перед самой смертью Глинка продиктовал В. Н. Кашперову тему для фуги и просил закончить «Записки». К вечеру заговорил о вечности и сам прибавил, что это вздор и он в вечность не верит...

...Имя Глинки проникло в самые глухие и отдаленные углы в России, вместе с его мелодическими, задумчивыми или страстными звуками... Смерть Глинки величайшая потеря для русского музыкального мира... В его летописях он покуда занимает бесспорно первое место.

Из некролога в журнале
«Современник» в марте 1857 года

Вечность приняла Глинку не в день смерти.

Первый неосознанный им шаг к сочинению бессмертной музыки был вступлением в вечность.

Какая прелесть «Вальс-фантазия» Глинки! Слушая его; забываешь все на свете. Я наслаждаюсь этими: чистыми, нежными звуками. И видится: бал. Все танцуют. Но какая-то безысходная тоска на лицах. Почему? Кончился вальс, и... пора собираться. Связал свои вещи. Написал сверху домашний адрес. Так положено. Немцы все ближе и ближе. Скоро бой. Буду драться ожесточенно..

В. П л а с т и н и н, московский студент,
письмо с фронта 26 октября 1941 года

ДАТЫ ЖИЗНИ

- 20 мая 1804 года* — день рождения в Новоспасском.
- 1818 год* — поступил в Благородный пансион в Петербурге.
- 1822 год* — выпущен из пансиона, первые опыты в сочинении музыки.
- 1823 год* — поездка на Кавказ на лечение.
- 1824 год* — поступил на службу в ведомство путей сообщения, становится известным в петербургском обществе как пианист и певец.
- 1825 год* — сочинил «первый удачный романс» «Не искушай меня без нужды» на слова Баратынского. Был на Сенатской площади в день восстания декабристов.
- 1826 год* — зиму провел в Смоленске и в Новоспасском, весной вернулся в Петербург. В июле — казнь декабристов, весть о расправе над друзьями. Осенью был в Москве в те дни, когда Пушкин читал там «Бориса Годунова». Зимой познакомился с В. Ф. Одоевским.
- 1827 год* — знакомство с Жуковским, Виельгорскими. Серенады на Черной речке. Музицирование дома у Глинки и у друзей.
- 1828 год* — весной жил в Новоспасском, потом в Москве, в Петербурге. Провел около целого дня с Грибоедовым. Часто встречался с Жуковским, Мицкевичем, Дельвигом, А. П. Керн. Бывал у Павлищевых.
- 1829—1830 годы* — смерть Грибоедова, сближение с Дельвигом.
- 1830—1834 годы* — первая поездка за границу — по городам Италии, в Вену, Берлин.
- 1834 год* — смерть отца, возвращение в Россию. Начало работы над оперой «Иван Сусанин».

- 1835 год — встречи с Пушкиным, вечера у Жуковского, работа над «Иваном Сусаниным». Женитьба.
- 1836 год — встреча Нового года у В. Ф. Одоевского вместе с Пушкиным, Жуковским, Крыловым. В феврале Пушкин был у Глинки. 27 ноября — премьера «Ивана Сусанина».
- 1837 год — смерть Пушкина. Глинка начал работать над оперой «Руслан и Людмила». Назначен на должность капельмейстера Придворной певческой капеллы.
- 1838 год — поездка на Украину.
- 1839 год — вышел в отставку, работал над «Русланом и Людмилой». Сочинил «Вальс-фантазию».
- 1840 год — сочинил музыку к драме Н. Кукольника «Князь Холмский», романсы на стихи Пушкина («Ночной зефир», «Я помню чудное мгновенье», «В крови горит огонь желанья»), балладу на слова Жуковского «Ночной смолот», цикл романсов «Прощание с Петербургом» на слова Н. Кукольника.
- 1841 год — работал над «Русланом и Людмилой», принял решение о разводе с женой.
- 1842 год — хлопотал о постановке «Руслана» на сцене. Репетиции оперы. 27 ноября — премьера «Руслана и Людмилы».
- 1843 год — знакомство и встречи с Листом в Петербурге.
- 1844 год — отъезд в Париж. Первый публичный концерт Глинки за границей. Успех у публики. Сближение с Берлиозом.
- 1845—1847 годы — путешествие по Испании. Сочинил «Арагонскую хоту».
- 1847 год — возвращение на родину.
- 1848 год — сочинил скерцо для оркестра на две русские темы — «Камаринскую».
- 1849—1852 годы — сближение со Стасовым, Серовым, Балакиревым, Даргомыжским. Работал над «Записками». В 1852 году продиктовал Серову «Заметки об инструментовке». Обдумывал новую оперу «Двумужница» и программную симфонию «Тарас Бульба».

1851 год — смерть матери.

1852—1854 годы — путешествие во Францию. Знакомство с Мейербером. Увлечение классической музыкой и литературой.

1854—1855 годы — Глинка в Петербурге, встречался, беседовал, музицировал с друзьями на домашних музыкальных вечерах. Работал над новой оперой, сочинял романсы, инструментальные пьесы.

1856—1857 годы — последнее путешествие за границу. В Берлине с помощью Дена изучал старинную церковную и классическую музыку.

3 февраля 1857 года — день смерти, в Берлине.

ОСНОВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ ГЛИНКИ

О п е р ы:

«Иван Сусанин» (1836), «Руслан и Людмила» (1837—1842).

С и м ф о н и ч е с к и е п ь е с ы:

Музыка к трагедии Н. Кукольника «Князь Холмский» (1842), испанская увертюра № 1 «Арагонская хота» (1845), «Камаринская» (1848), испанская увертюра № 2 «Ночь в Мадриде» (1851), «Вальс-фантазия» (1839, 1856).

Р о м а н с ы и п е с н и, наиболее известные:

«Не искушай меня без нужды», сл. Баратынского (1825), «Бедный певец», сл. Жуковского (1826), «Ах ты, душечка, красна девица», сл. народные (1826), «Память сердца», сл. Батюшкова (1827), «Венецианская ночь», сл. Козлова (1832), «Я здесь, Инезилья», сл. Пушкина (1834), «Ночной смотр», сл. Жуковского (1836), «Сомнение», сл. Кукольника (1838), «Ночной зефир», сл. Пушкина (1838), «В крови горит огонь желанья», сл. Пушкина (1839), свадебная песня «Дивный терем стоит», сл. Ростопчиной (1839), «Я помню чудное мгновенье», сл. Пушкина (1840), «Попутная песня», сл. Кукольника (1840), «Жаворонок», сл. Кукольника (1840), «Признание», сл. Пушкина (1840), «Слышу ли голос твой», сл. Лермонтова (1848), «Заздравный кубок», сл. Пушкина (1848), «Песнь Маргариты» из трагедии Гёте «Фауст» (1848), «Мери», сл. Пушкина (1849), «Адель», сл. Пушкина (1849), «Финский залив», сл. Ободовского (1850), «Молитва» («В минуту жизни трудную»), сл. Лермонтова (1855), «Не говори, что сердцу больно», сл. Павлова (1856).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аксаков С. Т. (1791—1859) — русский писатель, автор известных произведений: «Семейная хроника», «Детские годы Бягрова внука», сказки «Аленький цветочек».
- Алябьев А. А. (1787—1851) — русский композитор, автор опер, балета, симфонической, камерной музыки, мастер романса.
- Андреянова 2-я Е. И. (1816—1857) — первая танцовщица балетной труппы Петербургских императорских театров в 1832—1854 гг.
- Артемовский С. С. (1813—1873) — ученик Глинки, певец и композитор, известный в наше время под именем Гулак-Артемовский, автор знаменитой украинской комической оперы «Запорожец за Дунаем».
- Балакирев М. А. (1836—1910) — русский композитор, пианист, дирижер, общественный деятель. Вдохновитель и глава композиторской группы «Могучая кучка». Глинка видел в нем своего первого преемника.
- Баратынский Е. А. (1800—1844) — русский поэт, был близок Пушкину, декабрист.
- Бартенева П. А. (1811—1872) — певица-любительница.
- Батюшков К. Н. (1787—1855) — русский поэт, был близок Пушкину, Карамзину, Жуковскому.
- Беллини Винченцо (1801—1835) — итальянский композитор, автор известных опер «Норма», «Сомнамбула».
- Бём Франц — скрипач, концертмейстер оркестра Петербургских императорских театров.
- Берлиоз Гектор Луи (1803—1869) — французский композитор, дирижер, музыкальный писатель.
- Бестужев А. А. (1797—1837) — писатель и литературный критик (псевдоним — Марлинский), декабрист.

- Бортнянский Д. С. (1751—1825) — русский композитор, сочинявший церковную, хоровую, инструментальную, камерную музыку.
- Брюллов К. П. (1799—1852) — великий русский живописец. Его картина «Последний день Помпеи» и портреты современников принесли художнику при жизни всемирную славу. Много лет жил в Италии, там и умер.
- Булгаков К. А. (1812—1862) — любитель музыки, приятель Глинки, гвардейский офицер.
- Варламов А. Е. (1801—1848) — русский композитор, певец, учитель пения. Мастер вокальной лирики, автор известных песен «Красный сарафан», «Вдоль по улице метелица метет».
- Василько-Петров — псевдоним литератора, театроведа, переводчика, педагога театрального училища В. П. Петрова (1824—1864).
- Веневитинов Д. В. (1805—1827) — русский поэт, критик, философ. Сочувствовал декабристам. Белинский сказал о нем: «Это была прекрасная утренняя заря, предрекавшая прекрасный день».
- Верстовский А. Н. (1799—1862) — русский композитор и театральный деятель. Автор известной оперы «Аскольдова могила», баллады «Черная шаль».
- Внелъгорские, братья — известные русские музыкальные деятели. Их дом, сначала в Москве (с 1823 г.), позже в Петербурге (с 1826 г.) был центром русской музыкальной жизни. Матвей Юрьевич (1794—1866) — виолончелист, один из руководителей Симфонического общества в Петербурге, один из учредителей и первых директоров Русского музыкального общества. Михаил Юрьевич (1788—1856) — композитор, один из первых русских симфонистов.
- Волконская З. А. (1792—1862) — писательница, певица, композитор. В салоне княгини З. Волконской в России и в Италии собирались поэты, художники, артисты.
- Вульф А. Н. (1805—1881) — приятель А. С. Пушкина, родственник А. П. Керн.

- Вяземский П. А. (1792—1878) — поэт, литературный критик, друг А. С. Пушкина, В. А. Жуковского.
- Гейденрейх Л. А. (1809—1892) — врач императорских театров, друг Глинки.
- Глебов М. Н. (1804—1851) — товарищ Глинки по Благородному пансиону, декабрист.
- Глинка В. Н. — правнучатая племянница композитора, художница.
- Глинка Е. А. (1784—1851) — мать композитора.
- Глинка И. Н. (1777—1834) — отец композитора.
- Глинка Ф. Н. (1796—1880) — поэт, публицист, участник Отечественной войны 1812 года. Был близок декабристам. После разгрома восстания выслан в Петрозаводск.
- Голицын А. Н. (1773—1844) — министр духовных дел и народного просвещения в 1816—1824 гг.
- Голицын В. П. (1800—1863) — владелец картинной галереи, любитель музыки, певец.
- Голицын С. Г. (1806—1868) — певец, композитор и поэт-любитель, приятель Глинки, Пушкина.
- Гуммель Ян Непомук (1778—1837) — австрийский композитор и пианист, концертировал в России в 1822 г.
- Даргомыжский А. С. (1813—1869) — композитор, начавший в русской музыке новое направление. Автор народно-бытовой лирической драмы «Русалка», декламационно-речитативной музыкальной драмы «Каменный гость», сатирических песен-драм «Червяк», «Титулярный советник», лирических романсов.
- Демидов Д. П. — чиновник особых поручений при главном управляющем путей сообщения.
- Ден Зигфрид (1799—1858) — немецкий музыкальный теоретик, педагог. С 1842 г. хранитель музыкального отдела Королевской Берлинской библиотеки; редактор музыкального журнала.
- Доницетти Гаэтано (1797—1848) — итальянский композитор, автор известных опер «Анна Болейн», «Любвный напиток», «Лючия ди Ламмермур».

- Дубровский П. П. (1812—1882) — писатель, профессор польского языка в Главном педагогическом институте.
- Железнов М. И. (р. 1825) — художник, гравёр, ученик К. П. Брюллова.
- Иоганнис И. И. (1810 — после 1864) — дирижер, скрипач.
- Кавос К. А. (1776—1840) — композитор, дирижер императорской оперы, педагог в Театральном училище, инспектор музыки в Благородном пансионе.
- Кашперов В. Н. (1827—1894) — композитор и педагог.
- Керн А. П. (1800—1879) — известная дружкой с Пушкиным.
- Керн Е. Е. (1818—1904) — дочь А. П. Керн, в 1826—1836 гг. воспитывалась в Смольном институте, в 1839—1840 гг. была там классной дамой.
- Керубини Луиджи (1760—1842) — оперный композитор периода французской революции конца XVIII в. Сочинял героические оперы, увертюры, революционные гимны. Итальянец по национальности, жил в Париже.
- Киреевский И. В. (1806—1856) — русский публицист и философ.
- Кони Ф. А. (1809—1879) — писатель, театральный критик.
- Крузель Бернгард Генрик (1775—1838) — финский композитор, дирижер, музыкальный педагог, считался лучшим кларнетистом своего времени.
- Кукольник Н. В. (1809—1868) — драматург, поэт, художественный критик, издавал в 1830—1840 гг. «Художественную газету».
- Кювье Жорж (1769—1832) — выдающийся французский естествоиспытатель.
- Лангер В. П. — художник, переводчик, учился в Царскосельском лицее.
- Ленц В. Ф. (1808—1883) — русский музыковед, автор известных трудов о Бетховене.
- Леонов Л. И. (р. 1815) — оперный певец, первый исполнитель партий Собинина и Финна в операх Глинки.
- Леонова Д. М. (1835—1896) — певица, артистка оперной труппы Петербургских императорских театров.

- Лонгинов М. Н. (1823—1875) — историк литературы, административный деятель.
- Львов А. Ф. (1793—1870) — скрипач-виртуоз, композитор, директор Придворной певческой капеллы в 1837—1861 гг.
- Львов Ф. П. (1766—1836) — директор Придворной певческой капеллы в 1826—1836 гг.
- Маркевич Н. А. (1804—1860) — историк, этнограф, один из либреттистов «Руслана и Людмилы».
- Матюшкин Ф. Ф. (1799—1872) — русский мореплаватель, окончил Царскосельский лицей вместе с А. С. Пушкиным.
- Мегюль Этьен Никола (1763—1817) — французский композитор, органист, видный деятель эпохи французской революции 1789 г., один из основателей Парижской консерватории.
- Мейер Карл (1799—1862) — пианист, композитор, педагог, ученик Фильда. В 1819—1845 гг. жил в Петербурге.
- Мейербер Джакомо (1791—1864) — французский оперный композитор, пианист, дирижер. Автор известных опер «Роберт-Дьявол», «Гугеноты», «Африканка».
- Мельгунов Н. А. (1804—1867) — критик, публицист, один из издателей журнала «Московский наблюдатель», музыкант-любитель.
- Мемель А. Б. — контрабасист оркестра петербургской оперы.
- Мендельсон-Бартольди Феликс (1809—1847) — немецкий композитор, пианист, дирижер, музыкальный деятель.
- Миллер Иоганн Генрих (1780—1827) — музыкальный теоретик, композитор, скрипач, пианист, педагог.
- Неверов Я. М. (1810—1893) — писатель, деятель русского просвещения.
- Никитенко А. В. (1805—1877) — историк литературы, редактор журнала «Современник» в 1847—1848 гг.
- Одоевский В. Ф. (1804—1869) — писатель, музыковед, композитор.
- Оман — пианист, композитор, педагог, ученик Фильда.
- Павлищев Н. И. (1802—1879) — литератор, музыкант-любитель, муж сестры А. С. Пушкина.

- Павлищева О. С. (1797—1868) — сестра А. С. Пушкина.
- Палицын С. М. (1806—1880-е) — товарищ Глинки по Благородному пансиону, декабрист.
- Паста Джудитта (1798—1865) — итальянская певица, гастролировала в России в 1840 г.
- Петров О. А. (1807—1878) — певец, артист оперной труппы Петербургских императорских театров, первый исполнитель партий Сусанина и Руслана.
- Петрова-Воробьева А. Я. (1816—1901) — певица, артистка оперной труппы Петербургских императорских театров, первая исполнительница партии Вани и Ратмира.
- Пиккель И. Н. (1829—1902) — скрипач, один из первых квартетистов в Петербурге.
- Пименова Е. Е. (р. 1817) — артистка балетной труппы Петербургских императорских театров в 1836—1846 гг.
- Плетнев П. А. (1792—1865) — поэт и критик, профессор Петербургского университета, близкий друг А. С. Пушкина.
- Погодин М. П. (1800—1875) — писатель, публицист, историк, профессор Московского университета.
- Пушин И. И. (1798—1859) — друг А. С. Пушкина, декабрист.
- Рикорди Д. (1785—1853) — основатель крупнейшей издательской фирмы в Милане.
- Розен Е. Ф. (1800—1860) — литератор, в 1835—1840 гг. секретарь наследника Александра Николаевича.
- Россини Джоаккино (1792—1868) — итальянский композитор, положивший начало расцвету итальянской оперы. Жил в Италии и Париже. Автор знаменитых опер «Севильский цирюльник», «Вильгельм Телль».
- Рубини Джованни Баттиста (1794—1854) — итальянский оперный певец, гастролировал в Петербурге в 1843—1844 гг.
- Рубинштейн А. Г. (1829—1894) — композитор, пианист, дирижер, общественный музыкальный деятель, основатель Русского музыкального общества и первой русской консерватории в Петербурге.
- Семенова Е. А. (1821—1906) — певица, артистка петербургской и московской оперных трупп императорских театров, вторая исполнительница партии Людмилы.

- Серов А. Н. (1820—1871) — композитор, музыковед, общественный музыкальный деятель. Автор оперы «Вражья сила».
- Смирнова Т. П. (1818—1871) — артистка балетной труппы Петербургских императорских театров в 1834—1854 гг.
- Соболевский С. А. (1803—1870) — литератор, друг А. С. Пушкина, товарищ Глинки по Благородному пансиону.
- Соллогуб В. А. (1814 — 1882) — писатель, зять Мих. Ю. Вильгорского.
- Сомов О. М. (1793—1833) — журналист, поэт, переводчик, издавал вместе с Дельвигом альманах «Северные цветы» и «Литературную газету».
- Стасов В. В. (1824—1906) — искусствовед и музыкальный критик, идеолог «Могучей кучки», борец за русское национальное искусство.
- Степанов Н. А. (1807—1877) — художник-карикатурист.
- Степанов П. А. (1805—1891) — художник-любитель, ученик К. П. Брюллова, литератор. Автор портрета Глинки (1842) и бюста композитора (1844).
- Степанова М. М. (1815—1903) — певица, артистка петербургской и московской оперных трупп императорских театров.
- Стравинский И. Ф. (1882—1972) — русский композитор, дирижер, один из крупнейших композиторов XX века. С 1910 г. жил за границей.
- Струговщиков А. Н. (1808—1878) — поэт, переводчик, журналист.
- Стунеев Д. С. — муж сестры Глинки, Марии, в 1839—1840 гг. правитель хозяйственной части Смольного института в Петербурге.
- Стунеева М. И. (р. 1813) — сестра Глинки.
- Тешнер Густав Вильгельм (1800—1883) — вокальный педагог.
- Титов Н. А. (1800—1875) — композитор, вошел в историю музыки под именем «дедушки русского романса».
- Този Д. — итальянский певец, выступал в русской опере в Петербурге, первый исполнитель роли Фарлафа.

- Толстой Ф. М. (1809—1881) — музыкальный критик, композитор, певец, литератор.
- Уваров С. С. (1786—1855) — в 1834—1849 гг. министр народного просвещения, с 1818 г. — президент Академии наук.
- Фильд Джон (1782—1837) — ирландский пианист, педагог, композитор, с 1802-го жил в России.
- Цейнер Карл Траугот (1775—1841) — пианист, композитор, педагог. В 1803—1840 гг. жил в Петербурге.
- Шаховской А. А. (1777—1846) — драматург, театральный деятель.
- Шевырев С. П. (1806—1864) — историк, профессор Московского университета.
- Шестакова Л. И. (1816—1906) — сестра Глинки, посвятила жизнь собиранию творческого наследия композитора и увековечению его памяти.
- Ширков В. Ф. (1805—1856) — поэт-любитель, харьковский помещик, написал для Глинки либретто к «Руслану и Людмиле».
- Штерич Е. П. (1809—1833) — музыкант-любитель, друг Глинки.
- Энгельгардт В. П. (1828—1915) — астроном, музыкальный деятель. Много сделал для увековечения памяти Глинки. Собирал его автографы и передавал в Публичную библиотеку в Петербурге.
- Яковлев М. Л. (1798—1868) — певец, композитор-любитель. Лицейский товарищ А. С. Пушкина.
- Яненко Я. Ф. (1800—1852) — живописец и скульптор.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

М. Глинка. Полное собрание сочинений, т. I. Литературные произведения и переписка. М., 1973.

М. И. Глинка. Литературное наследие, т. I. Автобиографические и творческие материалы. Л.—М., 1952, т. II. Письма и документы. Л., 1953.

М. И. Глинка. Летопись жизни и творчества. Составила А. Орлова под редакцией Б. В. Асафьева. М., 1952.

Б. Асафьев. Глинка. М., 1950.

«Глинка в воспоминаниях современников. Под общей редакцией А. А. Орловой». М., 1955.

Е. Канн-Новикова. М. И. Глинка. Новые материалы и документы, вып. 1, 2, 3. М.—Л., 1950—1955.

СОДЕРЖАНИЕ

«И я открою землю...»	7
«Музыка душа моя»	9
Время незабвенное	22
Недаром запел соловей	36
«Найду ли в себе силы...»	57
Кто русский по сердцу	68
Честь в стране родной	89
Начало начал	115
Впереди вечность	128
Даты жизни	145
Основные сочинения Глинки	148
Указатель имен	149
Краткая библиография	157

И я открою землю... (Глинка). Композиция.
И11 Авт. композиции Н. Колосова. М., «Молодая гвардия», 1976.

160 с. с ил. (Пионер — значит первый.)

Литературная композиция о жизни и творчестве великого русского музыканта, композитора Михаила Ивановича Глинки. В основе книги — автобиографические «Записки» Глинки, письма, воспоминания его близких, друзей, современников. В оформлении книги использованы рисунки, портреты, гравюры той поры.

78С1

и 70803 — 143 090 — 76
и 078(02) — 76

И Я ОТКРОЮ ЗЕМЛЮ... (ГЛИНКА)

Редактор **Людмила Яновлева**

Художник **Евгений Суматохин**

Художественный редактор **Александр Гладышев**

Технический редактор **Иван Соленов**

Корректоры **Зоя Федорова, Екатерина Самолетова**

Сдано в набор 30/1 1976 г. Подписано к печати 10/V 1976 г.
А07297. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 5 (усл. 7).
Уч.-изд. л. 6.1. Тираж 150 000 экз. Цена 32 коп. Т. П. 1976 г.,
№ 90, Заказ 2417.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

37 коп.

49

ВЫПУСК

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ